Гай Юлий Орловский

Фэнтези

Длинные Руки — принц-консорт

Ричард Длинные Руки

Гай Орловский

Ричард Длинные Руки – принц-консорт

«Эксмо»
2012

Орловский Г. Ю.

Ричард Длинные Руки – принц-консорт / Г. Ю. Орловский — «Эксмо», 2012 — (Ричард Длинные Руки)

ISBN 978-5-699-59068-1

Впереди – великая и благородная цель. Даже – грандиозная. И дорога к ней прямая. И как же легко и быстро нам к ней пройти, даже пробежать……если бы не всякие досадные камешки на пути! Женщины, монстры, колдуны, маги, чародеи, короли, соперники, коварные недруги, эльфы и драконы…Вся наша жизнь из мелочей, увы. К счастью, не для принца Ричарда. Хотя, конечно…

ISBN 978-5-699-59068-1

© Орловский Г. Ю., 2012
© Эксмо, 2012

Содержание

Часть первая 5
Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 15
Глава 4 20
Глава 5 26
Глава 6 31
Глава 7 36
Глава 8 42
Глава 9 48
Глава 10 53
Глава 11 59
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Гай Юлий Орловский
Ричард Длинные Руки – принц-консорт

Бог, которого можно понять, уже не Бог.
Сомерсет Моэм

Часть первая

Глава 1

Граф Меркель вошел с крайней почтительностью и предельной осторожностью, словно нес на подносе большую горку сырых куриных яиц, выложенных пирамидой.

Гигантский воротник растопырился в обе стороны, как жабры рассерженного игуанодона, я почти услышал злое шипение. Красно-голубой костюм первого советника королевы расшит золотом и украшен различными бляхами, на груди толстая золотая цепь, вся в рубинах, а держит она с важностью тяжелый диск, изображающий то ли луну, то ли солнце.

– Граф, – произнес я, не дожидаясь, пока он остановится и поклонится, а то в самом деле гора сырых яиц посыплется на идеально чистый пол, а тут и без них скользко.

– Ваше высочество…

– Что у вас, граф? – поинтересовался я.

Он шагнул и вместо поклона, пусть даже церемоннейшего, станцевал нечто с подскоками и размахиванием шляпой во все стороны и сметанием пыли с выставленного вперед сапога.

– Ваше высочество…

– Впечатляет, – признался я. – Уже заметил, в Мезине весьма причудливые ритуалы.

Он сказал с удовольствием:

– А как же, мы страна высокой культуры!.. Только ритуалы не причудливые, а церемониально усложненные. Разве сложность условностей не растет с облагораживанием человека? У грубых, как скот, простолюдинов никаких церемоний, вы правы. Но чем выше человек, тем строже и достойнее он держится, с этим спорить не будете?..

– Да-да, – согласился я, – помню, как воспитательница наставляла юных барышень: дескать, даже когда входите в пустую комнату, все должны держаться и вести себя так, словно вдоль всех стен сидят джентльмены и наблюдают за вами.

– Вот-вот, – подхватил он с удовлетворением, – ваше высочество! Это простолюдину все равно, как и любому животному… Ваше высочество, я принес на рассмотрение во всех подробностях церемониал коронования, это весьма пышное и строгое… гм… ибо, как вы понимаете, все-таки не каждый день, так сказать.

Я спросил весело:

– Сколько угрохали на такое? Половину бюджета страны? Или весь?

Он ответил с достоинством:

– Пришлось даже занять, ваше высочество, но оно того стоит.

– Ого, – сказал я, – хорошо, что не каждый день. Королевство и недели бы не выдержало.

Он посмотрел с укором и ответил с еще большим задиранием носа и раздуванием жабр:

– Ваше высочество, это коронование, а не простой пир, пусть даже всекоролевского значения! Ее величество Ротильда изволит, чтобы народ всей страны от Хребта и до Грангепта увидел, рассмотрел, проникся и запомнил.

– Ужас, – сказал я, – весь народ Мезины съедется?

– Почти весь, – подтвердил он. – А простолюдинам на местах будут разбрасывать монеты. Этот день останется в памяти даже людей черного звания!

– Ух ты.

– Хочу сразу предупредить, – сказал он и страдальчески развел руками, – по протоколу все располагаются не по богатству, размеру земель или воинской мощи, а по титулам…

– Ну да, – согласился я, – почему Мезина должна быть лучше других?

Он не понял, потому проигнорировал и продолжал с той же настойчивой важностью:

– Потому вы, ваше высочество, в начале церемонии будете стоять рядом с сэрами Лаутгардом и Хольмстронгом. Они герцоги…

Я изумился:

– Уже?

Он ответил с поклоном:

– За преданность и особые заслуги ее величество пожаловали им обоим титул герцога.

– Круто, – сказал я. – А графу Табарду Вустерскому?

Он ответил с небольшой заминкой:

– Ему… возможно, позже. Не стоит забывать, что он был основным преследователем королевы, а на сторону королевы перешел только по вашему внушению… Так вот, ваше высочество, по рангу вы должны находиться с ними в одном ряду.

Я отмахнулся.

– Да пустяки. Могу даже сзади, я гусь не гордый.

– Нет-нет, – воскликнул он поспешно, – это было бы умаление вашего достоинства, а это недопустимо. Если вы и допускаете – но ее величество будут весьма ущемлены. Еще больше будет нарушен этикет, что является совершенно вопиющим нарушением и допустимым быть не может!..

– Хорошо, – сказал я, – встану там, где укажете.

– Прекрасно, – ответил он. – Вы предстанете в церемониальном наряде принца-консорта высшей категории.

– Польщен, – сказал я.

Он замотал головой.

– Я имею в виду костюм высшей категории, это знаете ли, самый лучший мужской костюм королевства! Он украшен рубинами, размер которых определен для лиц, допущенных в самый близкий круг, но для отличия от них носится с большой золотой цепью на груди, что держит золотую звезду, украшенную алмазами.

– Звезда размером с тарелку? – уточнил я деловито.

Он ответил виновато:

– Увы, всего лишь с блюдце.

– А-а-а, – сказал я, – ну ладно, я не капризный. С блюдце так с блюдце. Авось дослужусь и до тарелки.

– Ваше высочество, – продолжал он, тактично оставляя без внимания мои завышенные требования, – еще нужно будет…

Я слушал длинное перечисление требований ко мне внимательно, а он начал объяснять не быстро, но и не слишком медленно, но так журчаще, что я ощутил, как охватывает гипнотическое состояние, вот-вот брякнусь на пол, а затем пойду сомнамбулить по крышам.

– Простите, граф, – прервал я, – но вы настолько четко и ясно излагаете мысли в документах, что я рассчитываю разобраться на досуге, чтобы не отрывать вас от несомненно важнейших дел. Если не пойму, позову церемониймейстера, он у вас тут рядом с герольдмейстером просто невероятный эрудит.

– Тогда я откланяюсь, – сказал он и начал было склонять голову и отводить руку в сторону для замысловатого танца прощания с принцем-консортом, но я прервал:

– Граф, вы лучше расскажите о ваших стратегических запасах меди, железной руды, серебра. Я хотел бы помочь вашей молодой экономике, что после ужасного засилья узурпатора Голдвина в упадке и разрухе, а подниматься всегда лучше с помощью надежных закордонных друзей и умело поданных инвестиций.

Он взглянул с укором.

– Ваше высочество, идет подготовка к коронации…

– Великолепно идет, – сказал я бодро, – я даже и не сомневаюсь, что все будет с иголочки, только потому и отвлекаюсь на такую ерунду, как экономика, повышение уровня валового дохода, добыча полезных ископаемых и отношения с вооруженными до зубов соседями, что спят и видят.

Он подумал, я видел, как с его чела ушли глубокие государственные морщины крупного деятеля, согбенные заботами плечи расправились, а глаза блеснули чуть ли не весельем.

– С этим у нас терпимо, – сказал он.

– Как я безумно рад! – воскликнул я.

– Как вы, несомненно, помните, – продолжил он, – наше королевство упирается в Большой Хребет точно так же, как и соседняя, процветающая под вашей дланью Армландия, которой так повезло в ее мудром выборе себе правителя.

– Спасибо.

– Только у Мезины нет Туоннеля, – сказал он со вздохом, – зато есть очень хорошие копи в том же Великом Хребте. Там добывают медную руду, есть запасы железной, олова, а также найдены богатые жилы серебра и золота.

– Это прекрасно! – воскликнул я с чувством. – Вашей стране необходимо все из добываемого! Кроме золота, конечно, его пока что использовать негде, кроме как в виде основной единицы для платежей.

Он светски улыбнулся, показывая, что шутку оценил, и сообщил с той же улыбкой:

– Вы совершенно правы, медь настолько ценная штука, что даже такие слова, как медаль или медальон, пошли от нее. У нас, кстати, медь по большей части встречается в виде самородков. Во всяком случае, намного чаще, чем золото, серебро и железо вместе взятые.

– Это везде так, – заверил я.

– У нас, – пояснил он, – обычно берут малахитовую руду, смешивают с древесным углем, засыпают в глиняный горшок и ставят на огонь. А у вас?

– Увы, – ответил я, – тот же примитив, но пока что нужды зачатков промышленности покрывает. И хотя меди намного меньше, чем железа, возможности ее велики, потому нужно стараться развивать добычу, потому что бронза и латунь – это тоже медь, хоть не вся. Мы можем заключить с вами долгосрочные контракты на закупку больших объемов в течение, скажем, десяти лет! Или даже получить у вашего правительства лицензии на разработку собственными мощностями… естественно, с отчислением надлежащего процента в казну Мезины…

– Это решит королева, – ответил он осторожно, – такие вопросы только в ее компетенции.

– Гм, – сказал я, но не стал говорить о грядущей реформе. Даже он, занятый с головой подготовкой к коронации, не предполагает, что понятия «королева» и «правительство» очень скоро разойдутся весьма и даже весьма-весьма. – Ну ладно, отложим. В общем, я с головой погружусь в изучение ритуала коронации.

– Спасибо, ваше высочество.

– Да пустяки, – заверил я. – Я всегда интересовался этнографией и тутанхамонией… Э-э, погодите, граф, еще минутку!

– Ваше высочество?

– Что это за зеркало? – спросил я. – На мой изысканно-простецкий вкус эстета-демократа оно несколько выбивается из стиля этой комнаты. Самую малость, но все же…

Он взглянул на меня с удивлением и, как мне показалось, даже с уважением.

– Вы… заметили? Странно, обычно никто не обращал внимания.

– Так что с ним не так? – спросил я. – Простите, граф, но у меня слабость к зеркалам. Я такой красавец, что не могу не полюбоваться собой так и эдак, а потом еще и вот так, видите?.. В них я еще красивше и умнее, особенно когда щеки вот так, будто у Борея на картах…

Он покачал головой.

– А вот этого я бы вам делать не посоветовал.

– Почему? Разве я не красавец? Или вы оспариваете вкус королевы?

Он сказал испуганно:

– Что вы, мой лорд, это было бы государственной изменой!.. Но это зеркало, в которое нельзя долго смотреть. Если подойти ближе и начать всматриваться, то оно либо начнет делать вас моложе, либо намного старше, что бывает чаще.

– Ого!

– Но бывает, – продолжал он, – смотрящий в него становится выше ростом или ниже! И никак нельзя угадать, что получится…

– А переиграть нельзя?

– Это как?

– К примеру, – сказал я, – человек начинал становиться короче, а все мы, понятно, желаем быть крупнее и страшнее. Но если прервать процесс, а потом прийти завтра, то будет ли то же самое? В смысле, уменьшение размеров?.. Допустим, будет уменьшение снова. И на третий день. И на четвертый. Но если на пятый вдруг пойдет вверх, то можно задержаться перед зеркалом подольше, чтобы наверстать все потери за предыдущие дни!

Он посмотрел на меня внимательно.

– Вы рисковый человек, ваше высочество. Никому почему-то и в голову такое не приходило! Как только кто-то начинал укорачиваться хоть на полдюйма, тут же с криком убегал.

– И больше не подходил?

Он вздохнул.

– Нет… Простите, мне нужно идти подготавливать процесс коронования. Ваше высочество…

– Граф…

Глава 2

С обширным списком, что нужно знать и уметь принцу-консорту, я перешел в соседнюю комнату, мне по рангу мужа королевы положены весьма обширные и, как я обнаружил, достаточно богатые покои. Много золота на стенах, потолке и украшениях, но странно обходятся без аляповатой роскоши, чувствуется вкус, изящество, словно архитектор все же перекричал заказчика и сумел навязать свое видение прекрасного.

В центре этой комнаты круглый стол с букетом ярких цветов в хрустальной вазе, а еще из нее торчат длинные горящие свечи в дополнение к тем, что полыхают в низкой люстре. На столе несколько пустых тарелок и сверкающие мелкими камешками кубки.

Стены комнаты отделаны дорогими породами дерева, одна из сторон отдана камину, а в противоположной от входной стене зияет широкий арочный проем, через который виден другой зал, побольше и поярче.

Кресла легкие, с мягкими подушками в спинках и под задницами, словно здесь я хоть и принимаю гостей, но то ли дряхлых старцев, что уже не могут без удобств, либо дам с изящными жопами, что не могут сидеть на твердом.

Хотя для дам вряд ли, у меня же здесь весьма своеобразные обязанности, и дам принимать наедине мне почему-то не положено, хотя не могу понять, почему вдруг.

Ничего, сказал я себе привычно, разберемся, словно и в самом деле собираюсь оставаться и разбираться с такими жизненно важными вопросами, как прием мезинских дам в интимной обстановке.

Пару раз выглянул в окна, воинов сэра Дарабоса почти не видно, они в отличие от пышно разноцветных попугаев мезинцев все в серо-зеленой одежде, ее через века назовут маскировочной, а сейчас просто удобна тем, что в походе не видно, насколько испачкалась.

Да и, что верно, то верно, лазутчиков в траве или в ветвях дерева не так просто заметить, когда наблюдают за вражеским лагерем.

Сейчас они несут охрану как дворца, так и важнейших объектов вроде арсенала, городских врат или моста через реку. Граф Меркель пробовал выразить неудовольствие, но я мягко заверил, что это временная мера, ибо Ротильда еще не законная королева и вообще не королева, а потом, разумеется, все эти функции перейдут к местной власти, баба с воза – кобыле легче.

Мои покои охраняют Джон и Агельд, их Норберт взял еще из Армландии. За эти годы они стали начальниками отрядов, показав умение распоряжаться. Джон охраняет дальние подступы, Агельд смотрит за коридором, откуда можно войти ко мне. А еще их люди бдят во дворе, одни поглядывают на мои окна, другие тщательно присматриваются к прогуливающимся придворным.

Я усмотрел среди немногих рыцарей Зигфрида, того самого, что пришел с Хруртом и Ульманом из далекого и почти позабытого замка Амальфи, поспешно выглянул в коридор и велел Агельду:

– Позови сэра Дарабоса!

– Будет исполнено…

Он умчался, а я вернулся к окну и некоторое время рассматривал прибывающих гостей. Знамена, знамена, знамена… Редко увидишь воинов или рыцарей без знамени, если их больше двух. Если же десяток, то знамен бывает штук пять, они дают знать, кто идет, какому лорду принадлежат и кто за них будет отвечать, если что натворят не то или запятнают свою честь.

А в самом деле, снова мелькнула мысль, пора завести эполеты или аксельбанты, а то и погоны. Хотя нет, погоны появились намного раньше, чем эполеты и аксельбанты, но пережили своих пышных собратьев.

Так что можно сразу погоны. Но, конечно, не здесь, начнем все-таки с Сен-Мари…

В коридоре послышались приближающиеся шаги. Я узнал по уверенной поступи телохранителя, которого посылал за Дарабосом, и его самого, собранного и такого же четкого, как и поступь.

Быстро переступив порог, он коротко поклонился и замер в ожидании.

– Сэр Дарабос?

– Ваше высочество?

Я подошел к окну, Зигфрид снова появился в поле зрения. Не подозревая, что за ним наблюдают, с двумя воинами уверенно двигается по боковой аллее сада, хохочет, обнимает их за плечи, шлепает по спинам, оглядывается на хорошеньких женщин.

Когда один из воинов поднял голову, я узнал Гетеля, моего телохранителя, сегодня свободного от дежурства.

Я подозвал Норберта кивком и указал взглядом на Зигфрида.

– Видите вон того, широкомордого?.. Ему можно поручить охрану всего этого корпуса.

Дарабос окинул оценивающим взглядом богатыря, на котором и доспехи, казалось, трещат и вот-вот лопнут.

– Он… в самом деле рыцарь? – спросил он с сомнением.

– Самый подлинный, – заверил я. – Из рода великих Нибелунгов, младший сын владетельного сеньора Кунинга! Хотя, если честно, там все владения состоят из хатки и пары сараев, но в бедном краю и это богатство.

Он сказал задумчиво:

– Младший сын? Которому ничего после смерти батюшки: ни титула, ни имущества?

– Верно, – сказал я. – Потому и пошел сперва на службу к одному владельцу замка, а потом как-то вот попался мне…

– После того, – сказал он понимающе, – как вы захватили тот замок?

Я спросил в удивлении:

– Откуда вы знаете? Это было так далеко от этих земель…

Он усмехнулся.

– Достаточно знать вас, сэр Ричард.

– Ох, – сказал я.

– Он выглядит честным и открытым, – заявил Норберт успокаивающе. – Такие не предают.

Зигфрид прошел прямо под нами, у Гетеля под мышкой кувшин, явно полный, направляются в сторону дворцовых покоев. Зигфрид за это время ничуть не изменился, в лице все так же ни следа арийскости, только рост и могучее сложение, в плечах широк, выпуклогрудый, толстошеий, с мускулистыми руками, напоминающими бревна. Он еще по прибытии сразу сдружился как с армландцами, так и со всеми остальными благодаря незлобивому и открытому характеру, а у Норберта оказался из-за страсти к приключениям.

Норберт сказал деловито:

– Я сейчас же сообщу ему о новых обязанностях.

– Отлично, – одобрил я. – Как чувствуете себя в Мезине?

Он посмотрел на меня с суровым интересом.

– В Мезине? Это Мезина? Ваше высочество, с вами я чувствую себя всегда в родной Армландии!

Он откланялся и вышел, я прислушался к уверенному стуку подошв рыцарских сапог, снова вернулся к окну. Из грозовых туч образовалось на полнеба жуткое лицо с огненными глазами, а когда пасть чуть приоткрылась, стало видно бушующий ад багровых молний.

Раздвинув тучи, лицо наклонилось, всматриваясь в землю, я с ужасом ощутил спинным мозгом, что ищет именно меня, и от такого не спастись ни в шкуре незримника, ни в личинах оборотников.

С сильно стучащим сердцем я сдвинулся в сторону, чтобы между мной и лицом была каменная стена. Но даже тяжелые глыбы из гранита сейчас для такой мощи не прочнее кленового листа.

В небе некоторое время громыхало, а когда затихло, я осторожно выглянул, небосвод чист, от грозы не осталось и следа. И непонятно, успело ли это небесное страшилище меня увидеть…

Но сердце продолжает колотиться учащенно в предчувствии неприятностей. Такой, наверное, может смотреть и сквозь стены, так что прячься, не прячься…

От безделья прошелся по этажу, восемь только больших залов, уйма маленьких, все с анфиладами, множество комнат между ними, а также в башенках. Но даже самые мелкие с мозаичным полом, резными полуколоннами, выступающими из стен, а в залах так и вовсе позолота, статуи в нишах, портьеры из красного бархата, шелка и парчи…

Здесь роскошь не только присутствует, но бросается в глаза, как будто у местных королей не было возможности вложить деньги в хорошую армию и бросить ее на завоевание соседних земель.

В комнату заглянул старший слуга, церемонно поклонился, приложив одну руку к груди, а вторую закидывая за спину.

– К вам лорд Теоден Фолькийский…

Я нахмурился, не до местных лордов, но вспомнил, как Ротильда еще во время бегства из Мезины жаловалась, что могущественные роды Голдвина Адорского и Теодена Фолькийского с помощью канцлера Фреальфа начали интриговать, собирать силы и наконец пригрозили, что если не выйдет замуж за кого-то из их вождей, то свергнут, что и случилось, когда попыталась сохранить власть. Голдвин сел на трон, а Теоден тут же принес ему присягу верности.

– Зови, – сказал я и поправил себя: – Проси!

Вскоре через порог переступил высокий и крупный человек, а если «человек», то это, конечно, мужчина, хотя женщина тоже вроде бы человек, и, естественно, если лорд, то обязательно крупный, могучий и свирепый, это же мир бури и натиска, мир мужчин, когда правит сила, время от времени опираясь на мудрость…

Я рассматривал его быстро и внимательно, стараясь успеть оценить и выстроить стратегию разговора, а то верховные лорды иногда перехватывают инициативу, пользуясь опытом в этих делах.

Лицо крупное, спина ровная, не сразу и поймешь, что стар, по крайней мере для того, чтобы горбиться и шаркать подошвами. Лицо, при всей крупности, сильно обвисшее, мощный нос клювом, под глазами многоярусные мешки, а еще и темно-коричневые подпалины на желтой нездоровой коже, но глаза из-под набрякших толстых век смотрят настороженно и без старческого равнодушия к делам мирским.

– Лорд Теоден, – произнес я холодно.

Он чуть-чуть наклонил голову.

– Ваше высочество.

Еще минуту мы рассматривали друг друга. Мне понравилось, что не чувствую ни страха, ни заискивания, даже его поклон – от человека, признающего мою власть, но в то же время не забывающего, что и по возрасту он и старше, и опытнее, и вообще у него больше земель и владений, чем у королевы Ротильды.

– Чему обязан, лорд? – спросил я. – Как я понял, вы не в восторге от предстоящей коронации.

– Очень, – ответил он ровным голосом. – Даже с пониманием, что реальная власть останется у вас.

– Почему?

– Плохой пример, – объяснил он.

– Чем же?

– В других местах, – произнес он, – могут возникнуть подобные настроения. А это чревато.

– Насколько?

Он пожал плечами.

– Не угадать. И благородные люди, и чернь бывают…

– Непредсказуемыми?

– Верно, ваше высочество. Трудно гадать, какая именно шлея попадет им под хвост. И когда.

– А в чем опасность видите вы? – спросил я.

Сесть я ему не предлагал, пусть чувствует, что я не только хозяин положения, но и не собираюсь поступаться хотя бы толикой.

Он все понимает, судя по его неподвижному лицу, но ни жестом, ни словом не выдает своего недовольства.

– Все-таки власть короля, – объяснил он терпеливо, – основывается на том, что лорды королевства соглашаются ее принять!.. Любая власть основана именно на согласии. К примеру, в Мезине отыщется немало лордов, у которых больше земель и воинской силы, чем было у Генгента, короля Мезины, и чем теперь у королевы… если не считать, естественно, вашей армии.

– Но ее придется считать, – произнес я жестко. – Хотя вы правы, власть основана как раз на согласии.

– Спасибо за понимание, ваше высочество.

В его ровном голосе проскользнула ирония, но я проигнорировал, добавил сравнительно мирно:

– А подчиняться женщине мужчины с оружием в руках пока что не готовы…

– Счастлив, – произнес он сухо, – что вы это понимаете. А еще мне кажется, что подчиняться женщине мужчины никогда не будут готовы.

– В этом мире, – согласился я, – никогда. Но если наступит мир и благоденствие, когда мечи можно будет повесить на стены и не снимать ни разу за всю жизнь… гм… тогда может наступить совсем другой мир… Лорд Теоден, почему-то мне кажется, вы уже прочли мою Хартию…

Он вскинул брови в подчеркнутом изумлении.

– Какую Хартию?

– Вы опытный лжец, сэр Теоден, – одобрил я. – А я, к вашему сведению, достаточно опытный наблюдатель. Так что не пытайтесь так уж… слишком просто хитрить.

Он поклонился.

– Простите, ваше высочество. Я не буду хитрить… слишком просто.

– Да уж постарайтесь, – сказал я. – Я не хочу терять квалификацию.

Он произнес учтиво:

– Можно поинтересоваться вашими планами, ваше высочество?

Я уточнил:

– Вас интересует строительство флота или новые методы стрижки овец в Армландии?

Он коротко усмехнулся, сказал еще учтивее:

– Ваше высочество, у правителя таких масштабов и должны быть планы… всеобъемлющие. Но меня интересует моя Мезина.

– Патриот, – сказал я. – Вы так и останетесь патриотом… Мезины?

Он спросил опасливо:

– А кем можно быть еще?

– Можно подрасти, – пояснил я, – ведь мы, мыслящие, всю жизнь растем?.. и быть патриотом уже некой Всемезинии.

– Простите?

– Образования, – сказал я с осторожностью, – что включает Мезину, Турнедо, Армландию, Сен-Мари, Варт Генц… возможно, и другие королевства.

Он смотрел внимательно.

– Это серьезно?

Я беспечно улыбнулся.

– А это уже сами решайте. Я вам ничего не говорил. А если что-то вам послышалось, то это ваша проблема.

– Однако…

– Однако вы можете, – произнес я небрежно, – уже сейчас не только мыслить масштабнее, но и… предпринимать некоторые шаги. Вы стали верховным лордом потому, что быстрее других реагировали на происходящие перемены. Неужели чутье вам изменит?

Он покачал головой, не сводя с меня пристального взгляда.

– А насколько это… устойчиво? Я с каждым годом веду себя все менее рискованно.

– Да, – сказал я ему в тон, – поддержка Голдвина тому пример.

– Никто не мог предположить, – возразил он, – что Ротильда сумеет вернуться с огромной чужестранной армией!.. Но, ладно, пусть это был мой промах, тем более не хочу повторить его снова.

Я понизил голос:

– Лично я посоветовал бы вам вести дела так, словно все эти королевства стали единым экономическим пространством. С едиными законами, без пошлин на границах.

– Я это и предположил, – ответил он тоже негромко, – читая вашу Хартию, но решил по своей врожденной осторожности перепроверить…

– Рад, – произнес я церемонно, – что вы все так же отважны и готовы идти на оправданный риск.

Он отступил, поклонился.

– Ваше высочество…

– Лорд, – ответил я.

Когда он вышел, я перевел дыхание, с этими верховными магнатами приходится держать ухо востро, в их руках огромная власть и влияние. Вроде бы удается, тьфу-тьфу, его исполинскую энергию перенаправить в другое русло. Сам не знаю, чем он займется, однако жажда авантюр и добычи во всех ее вариантах должна заставить встрепенуться и оглядеть жадным взором новые земли.

Галл и Крестер, сменившие Джона с Агельдом, прохаживаются по коридору, оба крепкие, подтянутые, почти одинаковые, хотя Галл, по словам Норберта, никогда не спит, а Крестер ко всему еще и никогда не отдыхает.

Они замерли при моем появлении, я отмахнулся.

– Вольно-вольно… А это кто вышагивает на том конце лестницы?

– Ободрит, – ответил Крестер, отпуская для краткости «ваше высочество», им такие сложности выговаривать не обязательно, и так понятно, что я по титулу выше, подчеркивать не надо.

– А-а-а, – сказал я, – это у него в холодных ножнах всегда раскаленный меч?

– Он самый, – заверил Крестер. – Хотите взглянуть? Позвать?

Я покачал головой.

– В другой раз. Когда все дела переделаю.

– Все на свете? – спросил он, смелея.

– И на том тоже, – уточнил я. – А потом вернусь и… отдохну. Выползень тоже здесь?

– Он внизу у главных дверей!

Я покачал головой, Норберт в самом деле для моей безопасности задействовал лучшие силы, потому что Выползня характеризовал как лучшего разведчика, и луну с неба достанет, были бы приказ и поощрение.

Глава 3

Внизу в центре зала граф Меркель поворачивается во все стороны и размахивает руками, изредка покрикивая, а вокруг него, как в набирающем скорость водовороте, носятся слуги, таская мебель, ковры, цветные портьеры…

Заметив меня, насторожился, а щека заметно дернулась, чем-то я ему не очень нравлюсь, ну как, скажем, гроза, что может полить теплым дождем засушливые поля и заодно сжечь пару хат со всеми сараями.

– Граф, – сказал я весело, – кстати, вы все еще граф?..

Он чуть поклонился.

– Ваше высочество?

– За вашу преданность, – обронил я, – верность и те услуги, которые вы оказали вашей королеве, пора бы как-то отметить…

Он зыркнул по сторонам и ответил сдержанно, понизив голос:

– Я делал только то, что обязан, как верный слуга ее величества.

– И все же, – сказал я настойчиво, – это же вы втянули меня в этот странный брак, из-за чего все и завертелось…

Он ответил еще тише:

– После коронации ее величество обещают мне титул герцога.

– Это самое малое, – сказал я, – что она может для вас сделать! Не хмурьтесь, но вам она обязана и возвращением королевства. Ладно-ладно, скажите тогда, что здесь за маги?.. В королевском дворце они должны быть. Я помню, Ротильда что-то кричала про Керенгеля… Мол, он с ними, все пропало…

Он ответил осторожно:

– У нас церковь, ваше высочество!.. Ворота храма Господнего всегда раскрыты, служба идет, священники о пастве не забывают и всячески бдят насчет козней врага рода человеческого…

Я отмахнулся.

– Да ладно вам, я сам воин Христа! И цель наша – строительство Храма Небесного здесь, на грешной земле, чтобы освятить ее, а уцелевших людей сделать праведниками.

– Истинно так, ваше высочество!

– Но в процессе строительства, – уточнил я, – мы позволяем таскать камни не только святым, но и грешникам. Иначе будем строить вечность, не так ли? Не поверю, что при королевском дворце, где столько музыкантов, певцов, поваров, псарей и сокольничих, нет хотя бы с полдюжины магов!

Он повздыхал, помялся, наконец проговорил с неохотой:

– Ну есть, хоть и не полдюжины, а всего двое. Я и не знаю, как бы ужились полдюжины, они ж такие сварливые, склочные…

– Двое? – изумился я. – Обычно они терпеть друг друга не могут и всегда селятся поодиночке.

Он посмотрел на меня с укором.

– Так зачем же…

– Про дюжину? – спросил я. – Так я ж поэт, могу и про десять тысяч курьеров!.. У меня воображение. И где они?

– Маги?

– Ну не курьеры же! Где те, я знаю.

– Один в отъезде, – сообщил он, – поговаривают, тайком сопровождает Голдвина, а второй здесь. Позвать?

– Не нужно, – ответил я. – У меня такая демократическая манера, что вошла в привычку. Как захвачу замок или королевство, сразу или почти сразу пру к местному магу и шарю по сундукам по праву грубой силы на основе привнесения демократии и базовых либеральных ценностей.

Он смотрел ошалело.

– И… как?

Я ответил грустно:

– Обычно сперетъ ничего не удается, но вдруг да на этот раз…

Он все еще стоял с открытым ртом, я улыбнулся очаровательно, мол, разрешаю понимать как шутку, хотя мы многие вещи делаем шутя, еще как шутя, это пусть другие от наших шуточек наплачутся, повернулся и пошел к выходу, но со спины догнал его встревоженный голос:

– Ваше высочество… еще один деликатный вопрос!

Я обернулся, спросил с интересом:

– Ну-ну, люблю деликатные… О бабах?

Он поморщился, сердитым жестом отогнал подбежавшего суетливо управителя.

– Нет, ваше высочество, – произнес он так чопорно, как говорят только о государственном гимне или королевском знамени. – Никак нет! Я о весьма важном, так сказать…

– Ну-ну?

– Это насчет исполнения супружеского долга, – сказал он с таким холодным застывшим лицом, что даже стенам было видно, насколько сконфужен и как ему неловко такое выговаривать.

– А-а-а, – сказал я громко и радостно, – так все-таки о бабах!.. Это я люблю! Давайте, дорогой друг, просвещу в этих вопросах. В чем у вас затруднения?

– Не у меня, – ответил он свистящим шепотом и взглянул почти ненавидяще.

– А у кого?

– У вас!

– Правда? – обрадовался я. – Наконец-то!.. А то мне эта функция так мешает, так мешает в государственных делах и задумках!..

Он посмотрел на меня высокомерно, как степенный слон на кривляющуюся макаку.

– Он потому и называется долгом, – сообщил он свысока, – что его выполнять необходимо!

– Да я не против, – ответил я, – еще как не против! Если бы только не последствия.

Он покачал головой.

– Однако вы не смеете предлагать это венценосной супруге, а должны терпеливо дожидаться, когда она сама изволит изъявить свое высочайшее расположение и позволит вам приблизиться с такими намерениями.

– Гм, – сказал я в сомнении, – а спать нам инструкция велит в одной постели или, по-современному, в разных?

Он произнес гордо:

– Ваши спальни рядом, а между ними будет дверь.

– Не запираемая?

Он покачал головой.

– Запираться может только с одной стороны.

– Догадываюсь, – сказал я, – с какой стороны.

– Ротильда Дрогонская, – произнес он со слоновьей важностью, – Ее Величество королева! Потому вы должны постоянно помнить о ее приоритете во всех делах.

Я кивнул и сказал:

– Да-да, мальчики снизу, девочки сверху, бантики сбоку… Я поразмышляю по дороге, хорошо?

– А куда ваше высочество направляется? – спросил он с важностью уполномоченного и по делам консортов.

– К вашему магу, – сообщил я послушно, – посоветуюсь, как лучше послужить вашей королеве.

– И вашей, – напомнил он строго, – и вашей!

– Да-да, – согласился я, – особенно моей… гм… повелительницы.

– Хорошо, – разрешил он милостиво, – хотя наилучшие советы по качеству и разумной продуманности могут дать три человека в королевстве: генеральный церемониймейстер сэр Мюррэй Сандерсон, генеральный герольдмейстер сэр Энтони Гринвуд и, разумеется, я, ваш покорный слуга, в первую очередь как знающий все желания и возжелания блистательной королевы Ротильды Дрогонской.

– Той самой, – сказал я важно и значительно, подняв палец кверху. – Спасибо, дорогой граф.

– Всегда к вашим услугам, ваше высочество.

– Обязательно воспользуюсь, – пообещал я.

Помещение мага в том же крыле, где располагаются слуги, только на самом верху и с такими стертыми ступеньками, что не всякий взберется, не поскользнувшись.

Я толкнул дверь, заперто, хотел вежливо постучать, но пересилил в себе недостойную для мужчины слабость и мощно пнул ногой. С той стороны скрежетнуло, на пол слетела железка, а дверь распахнулась во всю ширь.

Воздух приятный, просторная комната вся в темно-желтом свете, словно залита свежим медом. Особенно когда смотришь на толстые свечи, торчащие из гор оплывшего воска, что с астрономической неспешностью стекает мощными валиками ниже и ниже. Свечи, как я понимаю, просто втыкают на место сгоревших в еще теплый воск, и сколько их тут прогорело, даже вообразить трудно.

На полке под такими наплывами, что залили ее всю и образовали мощный сталагмит внизу на полу, как я понял, подставками для свечей служат песочные часы, судя по размеру, с запасом хода не меньше чем на пять-восемь часов.

Воск укрыл оба конуса полностью, только с одной стороны восковая корка слишком уж высохла, треснула, и кусок воска вывалился, открыв блестящую поверхность стекла, что и не стекло, но нечто настолько прозрачное, что и не увидел бы, не играй на нем яркие блики.

Между двумя такими подсвечниками, теперь похожими на слабо работающие вулканы, удобно и по-домашнему расположилась стопка фолиантов в переплетах из красной меди, справа солидный шкаф в желтом подрагивающем свете, а посреди комнаты такой же стол медового цвета с раскрытой книгой в половину ярда в длину, толстой, с расцвеченными киноварью заглавными буквами.

Справа у верхнего угла массивная чернильница из желтого колчедана, а ниже, чтоб всегда под рукой, медный стаканчик с гусиными перьями.

Я повел по сторонам сумрачным взором правителя и лорда, задействовав тепловое зрение. Пальцы мои легли на рукоять меча.

– От меня, – сказал я насмешливо, – не спрятаться так примитивно. Хошь, проткну именно печень?

Я обнажил меч и, держа острием вперед, сделал два шага к свободному участку стены между двумя массивными шкафами.

Там моментально появилась фигура человека в халате, одна рука выставлена ладонью вперед в защитном жесте, вторая заранее зажимает правый бок.

– Ну что вы, – сказал он плачущим голосом, – ваше высочество!.. Я же простой исследователь…

– Какая скромность, – сказал я одобрительно.

– Сижу тут в норке, – продолжил он упавшим голосом, – никого не трогаю…

– Самый опасный человек, – определил я. – Все великие войны начинаются именно с тихих келий.

Он почти на полголовы ниже меня, сухой и сгорбленный, несмотря на то, что до старости еще далековато, смотрит снизу вверх испуганно и с беспомощной злостью на дурака с мечом в руке.

– Ваше высочество!

– Не возражать, – велел я. – Короли, ведущие армии в бой, лишь исполнители, хотя об этом не знают. Итак, какие преступные замыслы вынашиваем?

Он взмолился, вздрагивая всем телом:

– Ваше высочество!.. То, что пытался спрятаться, говорит лишь о моей врожденной трусости, а не о преступности!..

– Преступники все трусы, – изрек я, а подумав, уточнил: – Ну, конечно, не все.

– Да и как спрятался? – спросил он уныло. – Вы сразу увидели… хотя не понимаю как…

– Неважно, – ответил я с небрежностью даже не принца, а повелителя стихий, – я знаю столько, что хотя еще больше забыл, но мудрость меня просто переполняет, как я постоянно убеждаюсь. Итак, какую новую гнусность задумал? Ведь колдуны – зло!

– Я не колдун, – возразил он, – я вообще-то лекарь.

– Который, – сказал я понимающе, – пользуется нетрадиционными методами? Очень нетрадиционными?

– Да, – ответил он и посмотрел почти с ненавистью, – потому что другие ничего не понимают!.. Все есть яд, все есть лекарство. Вот вы сейчас стоите на том месте, что гибельно, и только я удерживаю, чтобы вас не испепелило на месте!

Я прислушался к ощущениям, мое чувство опасности молчит, а так бы уже давно орало и требовало отпрыгнуть, спасая шкуру.

– А мне кажется, – произнес я с расстановкой, – ты блефуешь. И это не просто кажется, я так сказал из чувства вежливости, которую в меня вбили с детства, но здесь ее считают почему-то признаком слабости, так что могу сказать иначе.

Он дернулся, спросил отрывисто:

– А если не блефую?

– Люди просты, – сообщил я ему новость, – я вижу их так, будто читаю раскрытую книгу, где вообще-то одна страница, если честно. Крупными буквами!.. Здесь каждый, даже великий мыслитель, просыпаясь, долго чешется, зевает и еще дольше соображает, кто он такой и что ему надо бы сделать за сегодня.

Он спросил с сарказмом:

– Вы не такой?

Я покачал головой.

– Не представляешь… королевство, где нужно всегда быть начеку? Все люди всегда начеку? Это настолько вошло в плоть и кровь, что они и не знают, что постоянно начеку! Даже выходя из дому, можно погибнуть десятки раз по простой неосторожности, а на улице стоит только перейти дорогу, не позаботившись о безопасности, как собьют, искалечат, а то и убьют, размажут по земле… Я из очень жестокого мира, колдун, и он у меня в крови. Потому среди простых людей… а они здесь все простые, я как волк среди ягнят. Так что можешь блефовать и дальше, но я, видя все твои карты насквозь – весьма мелкие, скажем прямо, – поступлю по-своему.

Он сказал торопливо:

– Постойте! Да, я блефовал. Но кто бы на моем месте поступил иначе?

– Ладно, – сказал милостиво, – понимаю и прощаю. Теперь рассказывай. И не бреши!

Он рассказывал, я слушал и думал, что везде одно и то же, маги мелкие, цели мелкие, а если кто-то из магов каким-то чудом или случаем сорвет куш, то чего могучему оставаться в услужении? Он и без королей проживет.

– Понял, – прервал я, – скучно живешь, если звезд с неба не хватаешь. Даже не знаю, предлагать ли тебе повышение?.. Гм… Впрочем, ладно, в Сен-Мари, это королевство по ту сторону Большого Хребта, в столице Геннегау есть корпус Великих Магов начального уровня. Правда, в целях конспирации он называется иначе и работает под прикрытием.

– Э-э… ваше высочество?

– Под эгидой церкви, – объяснил я. – Эгида – это… нет, тогда лучше не эгидой, а дланью. За раменами церкви и под дланью. Конечно, придется принять некоторые правила, но это так, внешние признаки, а внутри будете наслаждаться полнейшей свободой! Ведь внутренняя свобода – самое высшее завоевание просвещенного общества, не так ли?

– Ну, – сказал он в сомнении, – это как сказать…

– К тому же у человека, – подчеркнул я высокопарно, – всегда есть выбор. Или сотрудничать, или… сам понимаешь, мы начинаем очищение и возрождение, а это значит, инквизиция хорошо здесь поработает при полной поддержке ликующего народа.

– Куда именно идти, в Геннегау? – спросил он.

Глава 4

Вернувшись в кабинет, я раздумывал, не смотаться ли куда-нить, коронация назначена лишь на послезавтра, в это время в дверь стукнули.

Я оглянулся, в кабинет с виноватым видом заглянул Агельд.

– К вам женщина, – сказал он загадочно и добавил: – Ваше высочество.

– Гони, – ответил я автоматически и тут же спохватился: – Нет-нет, скажи что-нить вежливое! У меня голова болит, месячные, примеряю шпоры с новым дизайном, корплю над проектом Всеобщего Щастя, в общем – безумно занят!

Он предложил задумчиво:

– Может, сказать, у вас другая женщина?

– Я тебе скажу, – пригрозил я. – Да за такие шуточки…

Он сказал кротко:

– Ваше высочество, вообще-то она успела сказать, что пришла не совсем как женщина. И что вы ее знаете. Мне кажется, что…

Я прервал:

– Ладно, проверим твое чутье. У телохранителей оно должно быть на высоте!

Он вышел за дверь, а через пару мгновений одна створка приотворилась. В комнату проскользнула миниатюрная женщина в плаще с настолько низко надвинутым капюшоном, что я видел только краешек упрямо выдвинутого подбородка.

Она сделала несколько шагов и смиренно остановилась, не поднимая головы и сложив внизу ладони ковшиком.

Я принюхался, вчувствовался и сказал почти уверенно:

– Астрида!.. Вообще-то не совру, когда скажу, что рад тебя видеть.

Она медленно подняла голову. Я обеими руками взялся за края капюшона и неторопливо поднял, наслаждаясь зрелищем, как открываются полные чувственные губы, красиво вылепленные и похожие на созревшие вишни, подрагивающие нежные ноздри, тонкий нос и, наконец, сияющие, темные как агат, глаза, блестящие и радостно влажные.

– Ваше высочество, – проговорила она нежным голосом, – у вас способность видеть?

– Тебя да не узреть? – ответил я и откинул капюшон ей за спину. Густые черные волосы убраны в тугой узел, а дальше опускаются толстой косой, как я помню, они у нее до поясницы. – Это ж совсем ослепнуть! Ты просто чудо.

Она радостно смотрела снизу вверх, я наклонился и нежно поцеловал ее в губы.

Она не шелохнулась, губы даже не дрогнули, но каким-то образом я ощутил, что ей понравилось, и даже как бы ответила, хотя я по чисто мужской толстокожести не ощутил.

– Все равно, – сказала она с прежним удивлением, – меня никто бы не узнал даже из знакомых!

– Я помню каждую частичку твоего тела, – сказал я, смутился и уточнил торопливо: – Правда, только с одной стороны.

Она улыбнулась.

– Да, вы меня тогда очень удивили.

– Я сам себе удивился еще больше!

– Ваше высочество, – проговорила она смиренно, – я знаю, что отрываю вас от дел, но слыхала, вы умеете запрячь в работу других, а сами только посвистываете да кнутом помахиваете.

Я сказал с недоверием:

– Что, у меня такая репутация?

– Да вот кто-то сказал такое.

– Значит, – проговорил я довольно, – из меня уже выклевывается успешный управленец! То ли еще будет.

Она заверила сладким голоском:

– Но это пока видят немногие.

– Уф, от сердца отлегло.

– Потому, – сказала она чуточку другим тоном, уже деловым, – я примчалась к вам с просьбой.

– Что угодно, – ответил я бодро. – Ночевать останешься? А то у меня такая кровать огромная, одному страшно.

Она улыбнулась, но глаза засияли ярче.

– Спасибо за предложение, но мы оба знаем, что принцу-консорту нужно блюсти. Потому, если мне будет позволительно…

– Эх, – сказал я сокрушенно, – а я как раз хотел доказать на практике, что фригидных не бывает!.. Ладно, с чем прибыла?

– В опасности моя лучшая подруга, – сказала она, – с которой мы росли вместе. У нее неделю тому очень странно и необычно погибли муж, ее служанка, а потом один за другим сенешаль, помощник управителя и конюх.

Я сказал посерьезневшим голосом:

– А что говорит городская стража?

– Ваше высочество, – сказала она, – они не были убиты мечом или топором. Так что стража тут бесполезна.

– Ого! А чем, кинжалом?

– Их сожгли на месте, – сказала она с нажимом. – Мгновенно! Это было колдовство, я уверена. И очень сильное.

Я пробормотал:

– Я не слишком большой специалист по колдовству. Я больше как бы лекарь… В смысле, колдунов излечиваю от их способностей. С пожизненной гарантией, хотя «пожизненной» не совсем адекватный термин.

– Точность в словах, – одобрила она, – признак врожденного мага. Возможно, придется разбираться вам, потому что сегодня туда явился по вызову начальник стражи и… на том месте, где стоял, остались только горстка пепла и выжженное пятно на мраморном полу.

Я спросил с недоверием:

– И что, никто ничего не видел?

Она покачала головой.

– Никто. Я говорила с Гельвецией, так ее зовут, она бьется в истерике, боится, что кто-то придет и за нею, умоляет меня помочь…

– Почему тебя?

– Городские власти только разводят руками, – объяснила она. – Она считает, что кто-то из колдунов уничтожает ее людей и вот-вот доберется до нее. Она сейчас не выходит из комнаты, все там залито слезами.

– Ты промочила ноги? – спросил я с сочувствием.

– Нет, у меня хорошие сапожки.

– Все равно промой чистой водой, – посоветовал я, – и просуши, а то соль разъедает кожу. Ладно, если в постели нам подраться не светит, тогда что ж… Выйдем поодиночке, это так романтично, так романтично, пусть моя стража иззавидуется…

Она рассмеялась, блестя озорными глазами и белыми зубками.

– Чему завидовать? Я такая мелкая.

– Зато сиськи крупные, – сказал я восхищенно. – Ну почему меня восторгает такая диспропорция?.. Наверное, я в самом деле, стыдно признаться, эстет высшей категории и демократ, кто бы подумал!

– Ваше высочество?

Я сказал шепотом:

– Жди меня за городскими воротами, что выходят на север. А еще лучше – иди по дороге. Я догоню.

Она кивнула, лицо стало серьезным, подняла капюшон и надвинула на голову, слова пряча лицо.

– Ваше высочество…

– Астрида, – ответил я так же серьезно.

Зайчик обрадованно рванулся навстречу, по рассеянности сокрушив пару яслей и переломив толстый столб, на котором держится край крыши над нами.

Там затрещало, Бобик весело подпрыгнул, готовый поймать обломок бревна и совать мне в руки с просьбой бросить ему, да как можно дальше.

Но крыша лишь чуть просела, осыпав нас мусором. Я поспешно вскочил в седло, мы втроем выметнулись наружу. Испуганные конюхи метнулись было навстречу, потом в стороны, я крикнул весело:

– Хорошая погодка, правда?.. Надо прогуляться.

– Но, ваша светлость!

– Что, – спросил я с веселой злостью, – уже и конюхи будут мне говорить, что надо делать?

Они опешили, я хоть и всего лишь муж всесильной и властной королевы, но тоже не совсем с боку бантик, а Бобик, уже угадав своим собачьим или каким-то другим чутьем направление, понесся вперед к воротам.

Запоздавший на старте Зайчик скаканул, как кузнечик, стараясь не отстать. Дальше двигались через город где рысью, где грунью, а где и вовсе шагом, наконец выбрались за ворота, и почти сразу я увидел далеко впереди знакомую маленькую фигурку в не по росту длинном плаще и с большим капюшоном на голове.

Она смиренно идет по обочине, давая дорогу телегам, хотя никого нет поблизости, справа тянутся глубокие колеи в глинистой почве, а по обе стороны послушно извиваются, повторяя все зигзаги, протоптанные паломниками тропки.

– Зайчик, – шепнул я, – наддай… но не слишком!

Он с удовольствием резко ускорился. Я чуть свесился в сторону, напрягся, вытягивая руки. Астрида, заслышав быстро настигающий топот копыт, начала поворачивать голову.

В этот момент я и ухватил ее, вздернул к себе и прижал к груди, испуганно вспискнувшую и дрожащую.

Бобик на бегу весело оглянулся, Зайчик пошел еще быстрее. Астрида с трудом проговорила:

– Ну… ваше высочество… у вас и манеры…

– Я знал, что будешь в восторге! – сказал я.

– Не то слово…

Вместо ответа я потуже закутал ее в плащ, поправил капюшон и прижал к груди, ибо встречный ветер все усиливается.

– Ваше высочество! – сказала она протестующе.

– Астрида, – остановил я. – Я не твой сюзерен, а ты не мое существо, что должно приседать или кланяться. У нас с тобой… особые отношения. Высокие!.. Я к тебе отношусь как к равной, ты тоже должна, ясно?

Я не видел лица колдуньи, но почудилось, что по ее губам пробежала слабая улыбка.

Из-под капюшона донесся слабый шепот:

– Хорошо, ваше высочество.

– Ричард, – сказал я. – Просто Ричард. Я же сказал, у нас особые отношения!.. Или хочешь в постель залезть?

Она вздрогнула.

– Ни за что!.. Хорошо-хорошо… Ричард. Да, Ричард!

– Ну вот, – сказал я, – и небо не рухнуло.

– Я бы и так сказала, – огрызнулась она, – не обязательно было подталкивать, так нечестно.

– Да это чтоб быстрее, – объяснил я. – Теперь не вертись, а то с коня свертишься.

Она затихла и затихала все больше, постепенно расползаясь по моей груди, как сытая и разнеженная медуза.

Я уже придерживал Зайчика, он тоже ржанул и насторожил уши, а у меня вообще мороз пошел по коже. Первая мысль была: нет, это невозможно, а вторая – ну и строили наши предки.

Чудовищный катаклизм разломил в прошлые времена земную кору, и большой участок каменного плато поднялся и застыл, накренившись под углом градусов в тридцать-сорок к поверхности земли.

Целый город на этом плато, дома высоченные, в несколько этажей, в самом центре торжественно-строгий костел, самое высокое здание, да еще увенчанное множеством шпилей, готовых пронзить низкое небо…

И все это на такой высоте, что никакой искатель сокровищ не рискнет туда забраться, а в любой момент все это великолепие может обрушиться… хотя, конечно, простояло несколько веков, с чего вдруг именно сейчас…

Но что за строители, сумевшие выстроить такое чудо, что за сцепление между камнями, что за камни и на какую глубину все вбили, если эта рукотворная махина не падает под своим весом, выворотив землю?

Я стиснул челюсти, превозмогая страстное желание вот прямо щас обратиться в птеродактиля и помчаться туда шарить, вынюхивать, мародерничать, объясняя это чем-нибудь высоким, у нас для любой гнусности найдутся объяснения и даже оправдания, а здесь всего лишь невинная… ну, так говорят, жажда обогащения на халяву, все равно же оно уже ничье, тутанхамонье…

Небо за это время стало грозно-синим, на западе разгорается величественный закат, солнце начало склоняться к темному зубчатому краю земли.

Зайчик выметнулся из-за леса, когда багровый огненный шар опустился за горизонт, на землю пала призрачная тень, а страшным победным огнем воспылал впереди на холме замок из красного камня, огромный, монументальный, с полудюжиной высоких башен и башенок, сгрудившихся настолько тесно, что я невольно подумал: а зачем?

Закатное солнце освещает замок целиком, но с каждым конским скоком тьма ползет по стенам вверх, гасит блеск в окнах, наконец в небесном огне остались только башни, словно бы зависшие в темном мире и постепенно сгорающие, как свечи.

Бобик первым взбежал на холм и домчался до ворот, когда последний багровый луч соскользнул с острого шпиля самой высокой башни.

С ворот нас увидели, стучать не пришлось, грубый голос крикнул с высоты:

– Кто?

Я вздохнул с сожалением и сказал над головой Астриды:

– Просыпайся, малютка… Мы прибыли.

Пока она открывала чудесные глаза, Бобик с такой скоростью обежал вокруг замка, что здание на миг показалось опоясанной у самого основания полупрозрачной черной лентой, подбежал к нам и доложил виляниem зада, что кухня, судя по всему, расположена внутри здания.

Зайчик требовательно ржанул и мощно ударил в землю копытом. Прокатился легкий гул, из боковой двери торопливо вышли двое вооруженных короткими пиками мужчин, оба без доспехов и даже без кирас.

Застыли, в ужасе глядя на огромного черного пса, хотя тот лишь мазнул по обоим взглядом и дальше смотрит с нетерпением на меня.

Один спросил робко:

– Милорд?

Астрида откинула капюшон и сказала властно:

– Меня вы должны помнить, если не совсем новенькие!

Второй воин проговорил вздрагивающим голосом:

– Мы как раз новенькие. Из старых кто погиб, кто бросил копье и ушел. А это с вами…

– Лорд Ричард, – ответила Астрида. – Да-да, тот, который освободил из плена и привез на родину королеву Ротильду. А теперь позаботьтесь о коне, а то он сам о себе позаботится, не обрадуетесь. А хозяйке доложите о нас.

Один поклонился.

– Будет сделано, леди.

Оба торопливо вернулись через дверцу, а вскоре медленно отворились ворота.

Бобик не успел сделать мощный прыжок, я сказал властно:

– Рядом!.. Сперва нужно познакомиться. Здесь тебя самого примут за чудовище.

Он посмотрел обиженно и удивленно: как это, его еще не все в мире знают?.. но опустил уши и пошел покорно у стремени.

Внутри замка, построенного в виде цельного квадрата, небольшой двор, хотя издали выглядит все единым зданием, во дворе колодец, коновязь.

Я снял Астриду, такую громадную в плаще и такую легонькую, задержал на мгновение в воздухе, ощутил ее смутное желание побыть в моих руках, с сожалением опустил на землю.

Сопровождающий нас воин сказал тихо:

– Позвольте, я проведу вас.

– Я жила здесь, – сказала Астрида, – и знаю каждый уголок. Впрочем… веди.

Она распоряжалась довольно уверенно, маленькая, хрупкая, но жизнь заставила самой принимать решения, и потому, как вижу, умеет собраться и действовать решительно.

В холле, где все веет суровой простотой, даже подчеркнутой, как мне показалось, легкий сумрак, сверху свисают красные полотнища, в противоположных углах – светло от напольных светильников по шесть свечей в каждом.

Замок настолько чист, ухожен и обустроен, что у меня сама собой мелькнула мысль об армии Карла, что прошла здесь всего несколько лет назад. По слухам, всю Мезину опустошили, однако же на самом деле огромная армия, что постоянно двигается, всего лишь грабит все, что удается пограбить, да забирает скот на прокорм этой огромной массы, но никто не берется за такую бесцельную работу, как разрушение крепостей и замков. А прятавшиеся в лесах и пещерах местные тут же все отстраивают, как только армия, а с нею и война, прокатывается дальше.

Астрида тяжело вздохнула.

– Красиво? – спросила она.

– Весьма, – согласился я.

– Мне казалось, – сказала она печально, – в таких местах никогда не бывает горя.

Все слишком красиво, мелькнуло у меня, чтобы в таком месте могли происходить убийства.

Сверху на лестнице послышался легкий женский крик, радостный и беспомощный. По ступенькам к нам навстречу торопливо спускалась, почти бежала, волоча за собой длинней-

ший шлейф платья, милая молодая женщина с бледным лицом и трагически расширенными глазами.

Глава 5

Я охватил ее быстрым взглядом и отнес в группу консервативных леди, чистых и верных, что гордятся целомудренным поведением и стараются быть примером нравственности для других. Уж не знаю, по натуре они такие или же просто страшатся преступать черту, за которой могут быть неприятности, но таких, к счастью, немало, и они едва ли не самые лучшие женщины мира, за которых дерутся, которых добывают, которыми гордятся.

На их лицах с детства застывает выражение радостного удивления жизнью, светлого и чистого. Такие всякий раз освещают мир вокруг себя своим теплом.

Но сейчас я впервые увидел, как выглядит такая женщина, когда глубоко несчастна. На милом чистом личике держится выражение обиды чудовищной несправедливостью, она же никого никогда не обижала, за что ее так…

Астрида бросилась ей навстречу, они обнялись и застыли на некоторое время в клинче.

Я не шевелился, давая им время наобниматься, а когда наконец отодвинулись друг от друга, скромно подошел, опустив голову.

Астрида повернулась ко мне.

– Гельвеция, – сказала она, – это Ричард. Да-да, тот самый.

Баронесса охнула, торопливо присела, наклонив голову и обнажая тонкую белую шею и такой беззащитный затылок.

Я быстро взял ее за плечи и вздернул на ноги.

– Поднимитесь, леди Гельвеция. Я искренне сочувствую вашему горю. И, как видите, мгновенно бросил все дела…

Она охнула:

– Ваше высочество!

– Как только, – пояснил я, – ваша подруга велела мне следовать за нею.

Она с недоверием покосилась на Астриду, та смотрит на нее с состраданием и любовью, а на мои слова не обратила внимания.

– Ваше высочество, – произнесла баронесса дрожащим, как крылья мотылька, голосом, – это слишком высокая честь, что вы посетили наш замок…

Я указал взглядом на ее подругу.

– Астрида, вы должны понимать…

– Хотя, честно говоря, – добавила баронесса все еще с ноткой недоверия в голосе, – я представляла вас гигантом покрупнее любого огра…

– Почему?

– Так о вас рассказывают!

– Это мне льстит, – признался я, – но насчет чести оставьте. Просто Астрида велела, вот я и прибежал.

– Но я просто не понимаю, – сказала она жалобно, – как Астрида… как вы… принц…

– Астрида у нас чистейшая душа, – пояснил я мягко. – Сперва она ринулась платить долг за сестру, где мы сперва подрались, потом познакомились, теперь вот рвется помочь подруге. А я как правитель обязан карать зло и поощрять благородные порывы души, даже если она совсем женская.

Она перевела взгляд изумленных глаз на Астриду, что все еще не выпускает ее руки.

– Ваше высочество, – сказала она торопливо, – позвольте проводить вас на отдых.

– Отдых? А как насчет ужина?

Она сказала жалобно:

– Простите, у меня совсем голова… не такая. Сейчас слуги подадут ужин…

– Спасибо, – сказал я, – а то Астрида уже начала было меня грызть по дороге.

– Сюда, – сказала баронесса торопливо, – я открою для вас покои барона.

Астрида ткнула меня в бок локтем.

– Когда это мы дрались?

– Еще нет? – спросил я. – Значит, все впереди.

Баронесса провела нас на четвертый этаж, покои барона занимают всю левую половину, но зал довольно уютный, несмотря на чудовищные размеры. Залы бывают концертные, выставочные, пиршественные, тронные, а этот именно для отдыха и сна, потому что богатому барону даже для спальни полагается именно зал.

У противоположной от входа стены роскошное ложе с высоким балдахином на четырех резных ножках, пуховая перина, покрытая одеялом из лебяжьего пуха.

У баронессы прекрасные глаза сразу наполнились слезами, но она мужественно приподняла подбородок и сказала вздрагивающим голосом:

– Это ваши покои, ваше высочество.

– Благодарю за чуткую заботу, дорогая леди.

– А милая Астрида, – сказала она, – расположится рядом, там почти такие же покои.

В стене слева от двери в коридор еще одна малозаметная дверь, соединяющая покои барона и баронессы так, чтобы при желании пообщаться они могли ходить друг к другу напрямую.

Астрида сказала:

– Гельвеция, это же твоя спальня!

– Я расположусь в комнате у покойного сенешаля, – сказала баронесса.

Она еще выше и надменнее задрала подбородок, но не помогло, слезы переполнили запруду и хлынули двумя блестящими ручейками.

– Нет-нет, – запротестовала Астрида.

Я прервал:

– Баронесса, мы с Астридой в пути и привыкли к неудобствам. Прекрасно разместимся вдвоем в этих покоях. Как обычно: Астрида поперек в двуспальной кровати, а я на полу на коврике.

Баронесса, соблюдая достоинство, попробовала улыбнуться, но лицо кривилось, а губы подпрыгивали.

– Ваше высочество…

Астрида обняла ее и властно повела к выходу.

– Пойдем, – сказала она, – тебе надо успокоиться. Ляг, полежи, слуги свое дело знают, ужин приготовят без тебя.

Я остался осматриваться в спальне, но в первую очередь проверил решетки на окнах и простукал стены – не люблю сюрпризы в виде потайных ходов.

Нет, все чинно и просто, если не считать пышности самой спальни, что делает ее несколько выставочным залом, не слишком большим, а так, вернисажным.

Пока готовят ужин, вышел на двор, слуг мало, все пугливые, но смотрят с надеждой, словно при виде большого начальника нечисть сама разбежится. Кланяются низко, торопливо разбегаются, чтобы не попасть под горячую руку.

Двум я успел задать пару вопросов, пока не удрали, молоденькую служанку милостиво подержал за грудь, но так, для дела, чтобы челядь знала, что я в хорошем расположении духа и все будет хорошо, ибо не встревожен, а это значит, что решал задачи и посложнее. Скоро здесь снова будет мирно и спокойно.

Бобик исследовал весь замок, пошарил по кладовкам, кухне посвятил особое внимание, излазил сверху донизу, а потом еще выбежал и долго носился вокруг замка, пока не вытащил из норы толстого барсука и не принес, к восторгу поваров, на кухню.

Я втайне надеялся, что сразу же отыщет спрятавшегося монстра, однако Бобик вел себя так, словно нет вообще ничего подозрительного, прыгал и дурачился, совал всем в руки обломок бревна и уговаривал бросать ему, да еще как можно дальше.

Астрида, которая даже не пыталась взять эту палочку, по мнению Адского Пса, сказала язвительно:

– Мне как-то чудилось, этот песик любого зверя отыщет!

– Это не охотничья собака, – возразил я. – Это вообще не собака.

– А кто?

– Пес, – сказал я гордо, – друг человека. А человек здесь я. Ты тоже, кстати, мой друг.

– Ну, спасибо!

– А я разве не твой друг? Ну вот.

Она фыркнула и удалилась, высоко задирая нос, а я неспешно осмотрел места, где погибли барон, служанка и сенешаль, но зацепок пока никаких, ибо происходило все не только в разных местах, но и в разных локациях: барон в зале, сенешаль во дворе, выложенном брусчаткой, начальник охраны между конюшней и кузницей, где земля все еще влажная после короткого, но сильного дождика, а служанка в покоях баронессы…

Потом был ужин, достаточно короткий, обе женщины почти не ели, а я быстро побросал в себя все, что было на тарелке, и сказал, что задам еще пару вопросов слугам.

Когда вернулся, Астрида, уже проводив баронессу, деловито приподнимает гобелены, какие-то камни даже простукивает костяшками пальцев и прислушивается, хотя, на мой взгляд, в такие глыбы даже если кувалдой, отклик услышит только сумасшедший.

– Я уже проверил, – сообщил я.

Она фыркнула.

– Что, мужчины делают правильно?

– Бывает, – ответил я мирно.

Она обернулась, лицо встревоженное, а глаза распахнулись шире.

– Что-то стряслось?

– Пока нет, – ответил я. – Может быть, зло затаилось с нашим появлением. Во всяком случае, будем спать настороже… Ты сова или жаворонок? Ладно, спи первой, потом разбужу, будешь сторожить ты.

Она посмотрела исподлобья.

– Здесь одна кровать.

– Я не буду тебя сталкивать, – заверил я. – А ты только не лягайся… по возможности. И не храпи очень громко.

Она сказала сердито:

– Я вообще не храплю!

– Тогда нет проблем, – заверил я. – Я тоже не храплю. Раздевайся, ложись, а то, думаю, завтра день будет потруднее.

Она поколебалась, наконец буркнула:

– Хорошо, отвернитесь… сэр.

Я отвернулся, но заметил невинно:

– Вообще-то я уже видел тебя… без одежды. И мои ладони еще помнят твою кожу на ощупь. Даже сейчас по ним бегут мурашки, только представлю.

– Не вспоминайте!

– Я не вспоминаю, – сообщил я. – Это они сами… чешутся.

Она сказала сердито:

– Тогда мы были… на работе! И не надо говорить… всякое.

– Не надо, – согласился я. – Тем более что мы сейчас тоже на работе.

За спиной шелестело, звякало, наконец зашелестели простыни, но кровать под ее заячьим весом даже не скрипнула.

– Вы можете повернуться, – донесся голос.

Я повернулся, она уже под одеялом до самого подбородка, и начал неспешно раздеваться.

Она возмущенно хрюкнула и почти подпрыгнула, разворачиваясь в другую сторону. Я сложил одежду рядом на стул, меч привычно занял свое место у изголовья, а когда я опустился на ложе, то сразу проверил, чтобы до рукояти не нужно было даже особенно тянуться, пальцы тут же должны ощутить привыкший к ним рифленый металл.

– Хорошо, – сказал я и потянулся до хруста суставов, – теперь спи, пигалица. Под утро растолкаю.

Она пискнула из-под одеяла:

– Почему пигалица?

– Это такая пичужка, – объяснил я. – Мелкая птичка. Но хорошенькая. И писклявая.

Она чуть повернула в мою сторону голову.

– Я не писклявая!

– Не писклявая, – согласился я великодушно, – а что временами… то не в счет.

Она сердито блымнула на меня большими и блестящими в полутьме глазищами.

– И никакими временами!.. Ты меч поставил поближе, думаешь, ночью кто-то нападет?

– Вряд ли, – ответил я, – это так, на всякий случай. Бывает всякое.

Она осторожно повернулась в мою сторону, но держась на расстоянии протянутой руки.

– А что бывает? Расскажи.

– Ну вот, любопытная.

– Не любопытная, – возразила она сердито, – а хочу знать, против чего надо приготовиться и мне!

– Бывают привидения, – объяснил я, – что выходят из стен в полночь, а то и вовсе призраки. Иногда появляются через скрытые проходы, что открывает нечистая сила опять же в полночь, всякие жуткие твари…

Она прошептала испуганно:

– И… что? Тебе приходилось?

– Еще бы, – сказал я гордо, – я же такой дивный цветок, на который все мухи летят. Даже оборотни пару раз ко мне проламывались! Но ты не трусь, я уже руку набил.

– Я не боюсь, – огрызнулась она дрожащим голосом, – просто хочу знать, против чего…

– Не угадать, – ответил я, – мне кажется, это какой-то особый василиск.

– Что за особый?

– Урод, – объяснил я, – вместо того, чтобы в камень, как все нормальные, он сжигает дотла. Хотя это может быть и не василиск.

Она сказала сердитее:

– Ну так не сбивай с толку! А то я начала готовить заклинание против всех ящериц на свете.

– Молодец, – сказал я, – живучая.

Она замедленно придвигалась ко мне, пока я рассказывал, наконец коснулась сильно выступающей грудью, мордочка все еще настороженная, осторожно закинула на меня ногу. Я все так же лежу на спине, ладони за голову, смотрю в потолок, и она, выждав чуть, положила на предплечье голову.

Я все еще не шевелился, и она поскребла там кожу ресницами, умостилась уже со всеми удобствами, затихла.

– Тебе как, – спросил я, – удобно?

Она огрызнулась:

– Не мешай. Я сосредоточиваюсь.

– Хорошее занятие, – одобрил я, – передвинь харьку ближе, лучше на грудь. Так пойдет быстрее.

– Сама знаю, – буркнула она и присунулась ближе, щекой опустилась на мои грудные мышцы, я их недавно наконец-то сумел подрезать сверху, сам не могу насмотреться, снова затихла, прислушиваясь, прошептала строго: – Только ничего не выдумывай, ладно?

– Ладно, – согласился я. – Хотя фантазия у меня еще та.

Глава 6

Она еще пару раз поерзала, устраиваясь удобнее. Ее маленькое мягкое тело все больше приникает к моему, в полной мере приникает. У меня между грудными пластинами всегда была глубокая выемка, из-за чего страдал в детстве, у всех друзей широкие пластины, палец не просунешь, а между моими хоть кулак клади, так вот сейчас она прильнула так, что заполнила своим мягким женским теплом все мои выемки.

Я закрыл глаза и наслаждался этим странным чувством, медленно переходящим в сладостный жар. Астрида после долгой неподвижности осмелела, на что я и рассчитывал, ее тонкие трепетные пальчики сперва пугливо проверили, на чем это ее щека, ощупали все окрестности, причем – сперва едва-едва касаясь, а потом пару раз слегка царапнули острыми коготками, будто проверяя, близко ли к поверхности нефть.

После некоторого напряженного ожидания, когда то ли ждала моей реакции, то ли чем-то там в спине перерабатывала полученную информацию, снова шелохнулась: сперва подвигала согнутой в колене ногой, там что-то сильно мешает или беспокоит, потом с мучительной неспешностью пустила в свободный поиск разогретую ладонь по моему пузу.

Я инстинктивно задержал дыхание, ее тело как будто налито горячим молоком, а мое так и вовсе горит и плавится. Ее грудь стала горячее и, наполнившись тяжелым жаром, погружается в меня, как я сладостно чувствую всеми фибрами. Ее дыхание вдруг оборвалось, целую вечность мы не двигались и не дышали, хотя мое сердце бьется так, что подбрасывает ее голову, а у нее колотится часто-часто, как у пойманной любопытной мелкой птички, пугливой и жалобной.

А затем ее пальцы сжались, я слышал резко участившееся дыхание, но это не мое, стараюсь даже отворачивать голову, чтобы мое шло в сторону от ее лица, все-таки аромат вина и закуски с луком и чесноком…

По ее телу пошла неспешная волна, затем еще одна и еще, сперва такие же медленные, еще не знающие, угаснут ли тут же, потом быстрее, жар наполнил ее тело и пытался перелиться в мое, но я весь как раскаленная плита, мое ответное пламя встретило ее огонь на полдороге. Я услышал сдавленный вздох, по ее телу прошла судорога, я ухватил и пытался прижать к себе, но спазм выгнул ее дугой, она страшно вскрикнула, лицо перекосилось, некоторое время ее тело трепетало, как крылья бабочки под сильным ветром, затем силы покинули, и она безжизненно рухнула мне на грудь.

Я прислушивался к ее хриплому надсадному дыханию, затем ее затуманенные глаза приоткрылись, в них проступило дикое изумление.

– Я… жива?..

– Еще как, – ответил я, – а вот я… не знаю, выживу ли…

Она застыла, на лице проступил ужас, затем отчаяние, она прошептала упавшим голосом, полным горечи:

– Ах ты, гад… что ты… наделал…

– Что? – спросил я.

Она прошептала с болью:

– Я столько магической силы набрала!.. Я столько… никогда раньше… Я бы могла такое сделать…

Я пробормотал:

– Прости…

– Гад волосатый, – сказала она с отвращением и отчаянием, – как же я, дура, могла столько набрать… а потом так глупо все выпустить разом? Впустую!

– Зато мне, – пробормотал я, – удалось сохранить… как ты и говоришь… магическую силу… в неприкосновенности.

Она посмотрела люто.

– Что?

– Ну…

– Не дам! – крикнула она. – Не позволю!.. Ни мне, ни тебе!

И вцепилась в меня, как коршун в цыпленка.

Все-таки мы оба зря гордились своим самообладанием, верностью интересам дела, отстраненностью от всякого такого, чистым разумом Гегеля, потому что за остаток ночи успели еще не раз зарядить магической мощью друг друга и так же бесцельно и глупо, если с точки зрения Гегеля, а то и самого Иммануила Канта, разрядить.

Когда наступил рассвет, мы встретили его не только выжатые и обессиленные, но и стыдившиеся взглянуть друг на друга.

Я все-таки сумел подняться, бледное тело Астриды осталось на ложе с раскинутыми в разные стороны конечностями, как у Леонардо в золотом сечении.

Далеко за окном прокричал петух, уже в третий или какой-то там раз, а снизу со двора доносится бодрый скрип колодезного ворота и негромкие голоса возчиков, что привезли свежее молоко, сыр и зелень.

Когда я облачился поверх одежды в легкие доспехи, за спиной послышались пристыженный стон и шелест одежды.

– Не поворачивайся, – донесся слабый голос.

– Не поворачиваюсь, – ответил я.

– Я постараюсь все это забыть, – сказала она мне в спину, – и ты забудь, хорошо?

– Попробую, – ответил я с сомнением. – Попытаюсь. Хотя сие забыть непросто… Думаю, если сумел пережить такое, теперь меня ничего не убьет.

Она прошла мимо меня к окну, бросив на ходу с сердцем:

– Свинья!

– Еще какая, – ответил я гордо. – Позавтракаем здесь или с баронессой?

Чтобы выглянуть в окно, ей пришлось привстать на цыпочки и лечь животом на широкий из-за непомерной толщины каменной стены подоконник.

Я посмотрел на нее, ощутил, что во мне снова зашевелилась и начинает накапливаться магическая мощь, но, увы, такую научились использовать для магии только эти хитрые существа, а не мы, честные и прямые мужчины.

Я отвел взгляд, а она ответила, не поворачиваясь:

– Конечно, я бы тоже… лучше здесь… но это еще хуже… потому выйдем.

Она не добавила «…и не будем прятать взгляды», но это ощутил даже я при своей мужской толстокожести и потому сказал подчеркнуто бодро:

– А чего прятать?.. Подумаешь!.. Пойдем, а то все без нас пожрут.

Она слезла с подоконника и, бросив на меня только один короткий взгляд, сказала коротко:

– Дурак.

Странно, как быстро и безошибочно женщины улавливают момент, когда можно отбросить всякие титулы. У мужчин такого чутья нет, мы еще долго раскланиваемся и вашевысочествуем, хотя можно давно без церемоний, а вот они – да, у них чутье и рефлексы, как у кобр, что бросаются на мышей.

И вот эта притихшая кобра идет, изображая смиренную мышку, хотя, может быть, она и есть мышка, кто женщин поймет, а кто говорит, что понимает, – врет нагло и беспардонно.

В столовой слуги тут же принялись заносить блюда, сразу же жареных кур, пренебрегая всякими салатами, но когда передо мной опустили вкусно пахнущую тушку, оранжево-желтую, словно политую медом, а в ноздри шибанул сногсшибательный запах, я понял, что сожру и даже нежные косточки погрызу.

Кожа треснула и обнажила белое лакомое мясо, аромат ударил отчетливо заметной струйкой, у меня руки затряслись, а челюсти сами собой чавкнули. Из глубокого надреза в боку побежал нежный сок, почти прозрачный, я грубо разорвал тушку пополам и начал пожирать, как волк, сразу с середины, оставив ноги и крылышки на потом.

Астрида ела степенно, демонстрируя власть духа над плотью. Баронесса почти не притронулась к мясному, а когда подали пироги, с трудом одолела до половины самый маленький.

Как я понял, слуги руководствуются вкусами погибшего барона, а его нежная супруга наверняка вскоре переориентирует их на сладости и фрукты.

Через распахнутые двери в холл было видно, как слуги спускают по лестнице половинку массивной, как большая катапульта, кровати с двумя торчащими колоннами балдахина, обломанными так, словно их перегрызли посредине.

Астрида тоже заметила, спросила:

– Что-то случилось?

Баронесса посмотрела на нее несколько странно.

– Служанки сообщили, – произнесла она чуточку смущенно, – что одеяло и простыни на вашем ложе изорваны, и попросили у меня позволения их заменить. Я решила проверить не врут ли, и увидела, что дело не только в простынях.

Астрида смутилась, я спросил в удивлении:

– Что, правда?

– Еще и ножки подломились, – сообщила баронесса, сильно покраснев и глядя в тарелку, – кровать вот-вот рухнет на пол, а еще появились трещины в станине… хотя, помню, ее делали из выдержанного мореного дуба.

Астрида за это время пару раз взглянула на меня исподлобья и украдкой, всякий раз заливаясь багровостью, даже кончики ушей начинали светиться.

– Ах, это, – сказал я с непринужденностью бывалого воина, – я иногда сплю беспокойно, если снится что-то боевое… Ну там сражения, крики мертвецов, ржание… сами понимаете чье… кони тоже ржут еще как… Иногда даже размахиваю конечностями, вроде рублю… Хотя вообще-то, если ложе из дуба, то его могли прогрызть жуки-дроворубы…

– Дровосеки, – поправила Астрида.

– Правда? – изумился я. – А почему не дроворубы? Хотя вообще-то древогрызы…

Баронесса сказала торопливо:

– Я так и подумала, что вам что-то снилось. У милой Астриды кровоподтеки по всему телу, хотя она их и прячет.

Я охнул.

– Правда?

– Правда, – заверила баронесса. – У меня есть способность видеть такое. Ничего, уже проходят, она умеет залечивать быстро. Вы вот свои уже залечили.

Я посмотрел на Астриду зверем.

– Что, и у меня были?

– Меньше, – ответила баронесса, – чем у Астриды, когда она пыталась удержать ваше буйство.

– Бедная Астрида, – проговорил я с чувством сквозь зубы, – кроткая Астрида.

Астрида сказала с оживлением:

– Ой, как вкусно!.. Как это приготовлено? Неужели в этих пирогах ничего, кроме мяса, сыра и соуса?

– Смотря какого соуса, – победно ответила баронесса. – Я сама его составляла! Если хочешь, расскажу секрет. Сперва нужно взять…

Астрида слушала с подчеркнутым вниманием, даже кивала в нужных местах, хотя иногда и невпопад.

Я дослушал до паузы, сказал оживленно:

– Баронесса, если вы не против, мы допьем это вино… это же вино?.. и займемся поисками. Ибо мы все-таки выспались прекрасно и полны решимости.

Лицо баронессы выражало недоверие, и Астрида сказала церемонно:

– Его высочество благородно взял на себя первую половину ночи, а вторая половина была за мной.

Баронесса в недоумении вскинула брови.

– Это, – поинтересовалась она, – в каком смысле?

Астрида покраснела и прикусила губу. Я сказал быстро:

– Сперва я дежурил с мечом наготове, а потом Астрида бдила, но за ночь никто и не появился.

– Странно, – проговорила баронесса в задумчивости, – а мне говорили, что из ваших покоев доносится адский шум, крики, стоны, рев, завывания, хрипы, проклятия и снова стоны.

Астрида покраснела гуще, я сказал смущенно:

– Иногда я храплю.

– Правда? – изумилась баронесса. – Мне показалось, что однажды я услышала и голос Астриды.

– Это через три этажа? – спросил я в сомнении. – Вам нужно менять перекрытия. Хотите, посоветую хорошую строительную артель? И берут недорого, и работают хорошо. Главное, качественно. У них теперь новые стимулы и возможности расширения.

Ее лицо посуровело и стало печальным.

– Ваше высочество, мне не до ремонта.

Я кивнул.

– Да-да. Мы с Астридой делаем все, что можем. Я не могу позволить, чтобы в королевстве, что принадлежит моей венценосной супруге Ротильде, буйствовал какой-то неведомый зверь! Он уже и так натворил столько бед, а может натворить больше.

Я заметил, что баронесса перехватила взгляд Астриды, который та бросила на меня при упоминании моей венценосной супруги. Женщины могут слона не заметить, но вот такие нюансы хватают моментально и тут же расшифровывают с точностью девять к одному.

– Вы моя последняя надежда, – проговорила она, стараясь, чтобы слова звучали с достоинством, но голос задрожал, а в глазах снова заблестела влага. – Все разбегаются в ужасе, а я запираюсь на все запоры и отсылаю служанок подальше, чтобы бедные девочки не пострадали, когда чудовище придет за мной.

– Может быть, – предположил я, – оно неразумное, и тогда для него все равно, кто попадется?

Она покачала головой.

– Ваше высочество, почему же никого не тронуло, а первым испепелило моего супруга, благородного барона?.. Он не шлялся по окрестностям, как простолюдины, которые должны были встретиться чудовищу раньше.

Астрида подтвердила угрюмо:

– Барон погиб в малом зале.

– И что? – спросил я тупенько.

– Чтобы туда попасть, – объяснила она сердито, – нужно пройти через двойную охрану. А еще кто-то из слуг обязательно попадется по дороге.

– Или монстр пролез через окно, – предположил я.

– Там решетка, – напомнила баронесса. – Очень крепкая.

– Осталась целой, – добавила Астрида.

Я дожевал пирог и запил вином, затем порылся в памяти, так как не люблю делать два дела рядом, могу сбиться.

– Кто-нибудь, – спросил я степенно, – упоминал о существах, что могут пролезать в такие окна?

Баронесса ответила с недоумением:

– Нет… А что, такие существуют?

– К несчастью, – ответил я. – К несчастью. Вообще-то нужно сперва понять эту странность… почему саламандр, давайте называть его пока так, испепелил барона, до которого добраться ой как трудно, а не начал с простолюдинов?

Она сказала помертвевшим голосом:

– Потому что чудовище уже в замке?

– Верно, – похвалил я, – хоть и женщина.

Она пробормотала:

– Тогда объяснимо, почему погибли сенешаль, его помощник, а сразу после барона Аладель, милая и кроткая служанка, несчастная девочка, она же и поработать не успела, только пришла, и на второй же день…

Астрида пробормотала в задумчивости:

– Вообще-то саламандр мог бы натворить и больше дел.

– Верно, – согласился я. – В замке народу много, он бы за полчаса всех сжег, так что либо ему нужно копить магическую мощь, как вот тебе…

Она сказала с нажимом:

– Прекрати!

– Прости, – сказал я виновато, – это всего лишь предположение! Возможно, копить магию удается и другими способами.

– Прекрати!

Баронесса посмотрела с беспокойством на подругу, что смеет прикрикивать на самого принца.

– Астрида…

Астрида сердито зыркнула на нее, потом на меня, а я сказал торопливо:

– Я вовсе не хочу сказать, что ты была там и все пожгла своими глазищами, как вон сейчас прожигаешь меня.

– Прекрати, – повторила она сердито. – Меня там не было, это подтвердить могут все. Да и не умею я так, хотя сейчас, когда смотрю на тебя, думаю, что стоило бы попытаться.

– Ну-ну?

– Скорее всего, – договорила она сквозь зубы, – он быстро выдыхался и впадал в спячку.

– Это я и хотел предположить «во-вторых», – сказал я. – Видишь, как мы слаженно работаем вместе? Ты не находишь?

Она уклонилась от моего прямого взгляда, щеки чуть порозовели, но сказала подчеркнуто деловым голосом:

– Гельвеция, мы сейчас же принимаемся за дело.

Глава 7

Когда мы вышли из зала, я сказал тихонько:

– И как ты собираешься справиться? Тут не только надо тягаться с неведомым чудовищем, что, вполне возможно, посильнее нас, но сперва еще найти его!

Она огрызнулась, но я видел в ее лице страх и начало понимания, что все не так просто, как ей показалось.

– Во-первых, – сказала она с нажимом, – баронесса – слабая и пугливая женщина, а мы – двое кое-что умеющих в магии!.. Во-вторых, она моя лучшая подруга!

Я буркнул:

– Если кто скажет, что женской дружбы не существует, сразу получит в репу.

– Что-что?

– Идиома, – пояснил я. – Или метафора, не помню.

– Грамотность хочешь показать?

– Еще как, – признался я. – Хорошо, давай сперва опросим слуг.

– Как скажешь, прынц, – согласилась она, – я беру левую часть здания, ты – правую.

– Почему это ты левую? – спросил я оскорбленно. – Это наше мужское право! Иди направо.

– Спасибо, – ответила она язвительно, – мне показалось, что вы такой правильный, такой законопослушный…

– Я такой, – подтвердил я, – но идти налево – наша прерогатива, хотя мы ею, конечно же, никогда не пользуемся.

Она фыркнула и ушла, держа спину прямой и двигая тугим задом под таким длинным платьем, что даже и не видно, человеческие там ступни или копытца. Хотя вроде бы ощупывал всю, но иногда кажется, что в какие-то моменты она вся становилась копытной.

Мне потребовалось меньше четверти часа, чтобы опросить всех слуг и служанок в левом крыле, потом отыскал себя на заднем дворе, где прутиком чертил на земле значки, стирал, рисовал новые, подправлял, когда за спиной послышался сердитый голос Астриды:

– Ну и что это за колдовство?

– Не колдовство, – ответил я терпеливо, – а торжество логики. Кстати, ты чего такая сердитая?

– Я не сердитая, – отрезала она.

– Мы же договорились забыть, – напомнил я. – Ты сама предложила! Даже велела. И ногой топнула.

– Я ногой не топала!

– Не топала, – согласился я моментально. – Видишь, как я иду на уступки и компромиссы?

– Ну да, – сказала она едко, – сперва соврал, а потом якобы уступил! Очень по-мужски!.. Я и забыла, а вот ты все напоминаешь!

Я изумился:

– Как?.. Тем, что дышу? Что существую?..

Она нахмурилась:

– Ладно, какое это заклинание? Что-то слишком простое…

– Напротив, – сказал я, – настолько сложное, что уже голова трещит. Ищу логику. Первым погиб барон, затем самая простая служанка, ниже которой в замке не было, третьем пал сенешаль, затем охранник…

– Какая логика, – возразила она, – у неразумного зверя?

– Он разумен, – напомнил я, – иначе как объяснить, что никого не трогал, пока не добрался до барона? А уже потом начал других… и то как-то избирательно… Знаешь, надо съездить в деревню, откуда взяли ту служанку.

– Зачем?

– Хочу поговорить с родителями, – сказал я. – Утешить, заодно расспросить, не водилось ли за нею чего-то еще… необычного.

Она откинулась всем корпусом, прогнувшись в пояснице, из-за чего я тут же невольно перевел взгляд на ее вторичные, но спохватился и посмотрел в ее ясные глаза.

– Какое еще необычное? – буркнула она. – Простая деревенская служанка.

– Верно, – согласился я, – но я весьма тщательно знакомился с картой Мезины… Мезина – это здешнее королевство, а карта…

– Догадываюсь, – прервала она. – И что?

– После Великих Войн, – напомнил я, – везде остались аномалии, которые называют то Зачарованными, то Гиблыми, то Колдовскими, то еще как. Где-то это болота, где-то пустоши, горы, леса, пески, так вот, дорогуша, этих мест в Мезине больше, чем во всех королевствах, которые я подгреб к демократии и либеральным ценностям ближе, вместе взятых!

Она, как и все, пропустила насчет демократии, но сразу уцепилась за аномальность.

– Значит, – спросила она быстро, – здесь это не редкость?

– Нет, – ответил я, – потому и наведу справки о служанке. А ты это имей в виду тоже.

Она фыркнула:

– Я ведь тоже из Мезины! Так что, подумаешь, новость открыл!

– Но я ее сформулировал, – подчеркнул я. – В доступной форме. Зайчик!.. Ты где? Забери меня от этого чудовища в юбке…

Деревня в отличие от замка вся с иголочки в том смысле, что ни одного дома с виду старше трех лет, что и понятно, если вспомнить, что здесь прошла конница императора Карла. Это каменные чудовища, называемые замками, не горят, а деревни и сами по себе выгорают время от времени от пожаров… К счастью, любую деревню можно поставить заново меньше чем за неделю.

На околице навстречу выбежали собаки, Бобик с великим презрением показал им клыки и, пригнув голову, пустил по земле такой низкий рык, что на ярд в глубину наверняка оглохли все мыши.

Собаки, обезумев от ужаса, развернулись и ринулись обратно в деревню, а там кто забился под крыльцо или спрятался поглубже в будку, а другие пронеслись, ничего не видя перед собой, на другую сторону и пропали в пыли, поднятой их лапами.

Я расспрашивал самых отважных, что выглядывают из-за плетней, наконец одна женщина сумела понять, что я спрашиваю, и объяснила, что дом Кегичей, откуда в замок взяли девушку, находится во-о-он там, сразу за хатой с провалившейся крышей.

Отыскав нужный дом, я долго стучал в почему-то опущенные ставни, наконец вышел согбенный мужчина, горбится не столько от груза прожитых лет, как от привычки гнуть спину перед всеми, начиная со старосты и кончая лордами.

Я оставался в седле, а крестьянин, часто и пугливо моргая, кланялся при каждом слове и суетливо повторял, что у них ничего нет, они люди бедные, но если господин пожелает переночевать…

Я прервал:

– Слушай сюда!.. У тебя дочь по имени Аладель есть?

Он часто закивал, глядя снизу вверх со страхом и подобострастием.

– Да-да, старшенькая. У меня их пятеро, и два сына, но Аладель самая старшая, ее взяли недавно в замок прислуживать господам.

Из сада вышла и пошла в нашу сторону молоденькая девушка с большим лукошком, полным крупной спелой клубники. Я определил на глаз, что ей лет четырнадцать, но юное тело уже вполне развито, хотя она пользуется, судя по всему, правом носить платье не девушки, а еще девочки, потому короткое, вроде сарафана, руки и плечи голые, а внизу потрепанный подол даже не скрывает полные поцарапанные колени.

Она кротко улыбнулась мне, глаза крупные, масляные и чуточку удивленно-зовущие, взгляд радостный, словно я ее лучший друг, которого она хочет обнять за шею и посидеть у него на коленях.

Я почти ощутил сладкую и горячую тяжесть ее полноватого нежного тела, чресла моментально прогрелись, а она протянула мне обеими руками лукошко.

– Может быть, господин хочет отведать сладкого?

Ее отец оглянулся, лицо потемнело, и он сказал непривычно резко для такого согнутого жизнью человека:

– Асандра, немедленно иди домой!

Она взглянула на меня с вопросом в глазах, взгляд теплый и ласковый, я отчетливо ощутил, как могу взять ее за податливые плечи и притянуть к себе, упиваясь ее чистотой, молодостью и сладостью ее горячего тела, что ждет меня, как раскрывающаяся мне навстречу устрица с ее нежной плотью внутри.

Я взял горсть ягод, взамен бросил в лукошко золотую монету, услышал потрясенный вздох отца, а его дочь лишь ласково и обещающе улыбнулась, заверяя взглядом, что она так жаждет оказаться в моих руках и ощутить на себе тяжесть моего ждущего тела сильного и свирепого самца.

– Очень сладко, – сказал я. – Иди домой, как отец велит, а я пока поговорю с ним.

Она ласково улыбнулась мне и пошла к крыльцу. Зад ее широк и вздернут, а под тонким подолом чувствуются сильные полные ноги.

Отец вздохнул, лицо несчастное, смотрит в землю и постоянно вздыхает.

– Старшая такая же? – спросил я.

Он вздрогнул, судорожно кивнул.

– Да, Асандра всего на год моложе… Вы что-то хотите, господин?

– Трудновато тебе с ними? – спросил я. – Нет-нет, я не собираюсь приглашать ее в замок, Боже сохрани!.. Она слишком, как ты понимаешь. Старайся ее держать подальше от мужчин.

Он коротко и недоверчиво зыркнул на меня.

– Да как ее уберечь?

– Поскорее выдай замуж, – посоветовал я. – Она уже вполне, сам видишь. Пусть муж с нею мучается, а у тебя останутся еще три таких же… наверное, таких же. Это они в твою жену пошли? Кстати, где она?

Он ответил угрюмо:

– Она не выходит на улицу. Домашней работы много! Накормить девять человек, постирать, спрясть… а во дворе я справляюсь, девчонки помогают.

– Асадель до замужества надо оставить дома, – посоветовал я, – не просто дома, а в доме! Пусть матери помогает, той одной уже трудно. Ну, ты меня понял.

Он вздрогнул, на меня посмотрел со страхом и надеждой.

– Да, понял… Спасибо, господин!

– Не за что, – ответил я и повернул коня.

– Есть за что, – ответил он неожиданно. – Вы же все поняли?

– Ничего я не понял, – заверил я, – но на улицу и в сад больше не выпускай. А то она будет еще быстрее… взрослеть.

Зайчик пошел между домами вскачь, я корил себя, что так и не сказал о гибели его старшей дочери, но горечь потери у него скрасится тем, что осталось еще четыре, а это совсем не

то, когда теряешь одну-единственную, тогда уже все, остаешься в самом деле одинок. К счастью, эти жуткие и просто кошмарные времена наступят не скоро.

Некоторые кусочки мозаики постепенно становились на место, проявляя дотоле скрытую картинку. Аладель, старшая сестра, попала в замок служанкой… кстати, как она попала?.. ладно, сейчас не это важно, а важно то, что барон, который искренне и верно любил свою жену, наверняка не устоял.

Вообще-то да, есть такой мощный зов, что все мы как бараны прем… есть более изящное сравнение насчет мотыльков, летящих на огонь свечи, но бараны тоже ничего, соответствует… И даже умные и хладнокровные находят отговорку, что если жена не узнает, то как бы ничего и не было, но это риск, жена может когда-то узнать…

И вот тут могут быть варианты. Одни женщины придут в ярость, другие тихонько поплачут и смирятся, а третьи скажут деловито, что это пустяк, развлечение на стороне браку не вредит.

Баронесса, скорее всего, если и узнала, то втихомолку поплакала, по ней видно, у таких слезы всегда близко, а барону даже сказать не решилась, что узнала про его связь или, точнее, вязку со служанкой.

Однако если кто-то другой обиделся за кроткую и безответную Гельвецию… крепко обиделся?

Астрида все это время, как я понял, сидела в обнимку с Гельвецией. Обе ревели, потом Астрида снова утешала подругу, и когда я появился, у обеих уже вконец заплаканные мордочки, красные глаза и надутые губы в смертельной обиде на злой и несправедливый мир.

– Ну что, – сказал я с подчеркнутым оптимизмом, – быстро я?.. Я вообще все делаю быстро, иначе любое удовольствие превращается в работу.

Баронесса вздохнула и принялась промакивать платочком глаза, Астрида вперила в меня прямой, как луч солнца, взгляд.

– Что-то узнал?

Баронесса тихонько ткнула ее в бок и напомнила шепотом:

– Это же принц! Его высочество…

– По некоторым данным, – сказал я веско, – все началось с появления служанки Аладель.

Астрида нахмурила бровки.

– А она при чем? Погиб барон…

Баронесса снова зарыдала, сказала слабым голосом:

– Я пойду к себе… Я не могу себе представить мир без любимого супруга…

Астрида вскочила.

– Я провожу тебя?

Баронесса покачала прелестной головкой.

– Нет-нет, вы постарайтесь сосредоточиться и найти это чудовище, пока оно еще кого-то не уничтожило!

Я проводил ее взглядом и сказал тихо:

– Мужская интуиция подсказывает, что та девчонка, я о новенькой служанке, могла весьма даже приглянуться барону. А когда он воспылал страстью и тайком ночью пошел к ней, то ночное чудовище их застукало и превратило в пепел!

– Дурость это, – заявила она, – а не интуиция. Она бывает только у женщин и всех, кого вы, как слоны, обижаете!.. Барон погиб утром, а служанка гораздо позже.

– Молодец, – сказал я, – в расследовании все мелочи полезны, а в мелочности никто не сравнится с женщинами. Но все равно служаночка свою роль сыграла.

– Как? – спросила она. – Я могла бы предположить, что его как-то сожгла сама Гельвеция, если бы у нее был другой характер, но ты же сам видишь.

– Вижу, – согласился я, – баронесса и муху не обидит. Да и зачем ей такое? Теперь совершенно беспомощна, землями управлять наш мотылек не в состоянии.

Она вздохнула, спросила другим тоном:

– Что ты узнал в деревне?

– Ничего ценного, – признался я. – Если о служанке, бароне или вообще… Там живут, как мыши в норах, хотя хатки хорошие. Даже не хатки, а дома. Но люди… гм… к сожалению, таких большинство.

– Съездил зря?.. Я ж говорила!

– Не зря, – возразил я. – Теперь точно знаю… ну, точно уверен, что служанка свою роль сыграла. Она, конечно, не такая… ну, как ты, но соблазнить барона могла.

Астрида поморщилась.

– Не сравнивай меня с такими, – сказала она ледяным голосом. – Я никого никогда не соблазняла. И не собираюсь!.. Но со смертью служанки твои дохлые догадки вообще рухнули.

– Надо поговорить с теми, – сказал я, – кто с нею общался здесь.

– Что даст?

– Предположим, – сказал я, – кто-то из преданных баронессе людей заподозрил барона, проследил и подсмотрел… ну, момент прелюбодеяния. Кстати, хорошее слово, разделяющее брак и любовь. Даже подчеркивающее, что не просто любовь, а возводящее в превосходную степень: не просто любо, а прелюбо… Ладно, закрой рот, это я умничаю, обязательный штришок в ритуальном танце мужчин перед куропатками. В общем, взял и убил. Ну, как мог. Сжег на месте!

– А почему не обоих? – спросила она едко.

– Причин может быть тыщи, – сказал я.

– Назови хотя бы пару!

– Пожалуйста, – сказал я победно, – либо не хватило магического заряда на двоих, либо она убежала, пока неизвестный жег барона, такое могло случиться не за секунду, а занять какое-то время. Кроме того, возможно, убийца ревновал служанку, успел попользоваться раньше барона…

Она прервала:

– Стоп-стоп!.. Столько версий проверять хватит на неделю, а тут снова могут начаться эти жуткие убийства. Давай я буду опрашивать мужчин, которые могли бы заинтересоваться служанкой…

– Давай, – согласился я. – Только ты это… ну…

Она спросила с подозрением:

– Что?

– Опусти вырез чуть ниже, – сказал я неуклюже, – и вот эти штуки не забывай выпячивать. Мужчины сразу начинают пялиться на это волшебство, а если еще пошевелишь ими, чтоб заколыхались…

– Хватит, – сказала она резко, – я так делать не буду!

– Будет труднее, – сказал я со вздохом. – Вообще труднее, увы. Те, кто шевелит, быстрее пробиваются наверх. Вон Феодора вообще императрицей стала с таких низов, ниже которых лечь и не получится…

– Снова умничаешь?

– А куда я умище дену? – возразил я. – В общем, пойду переговорю с баронессой, а то, вижу, вы только слезки друг другу вытирали. А ты попробуй расколоть до самой задницы местных самцов. Ты права, они перед тобой раскроются полнее и шире. Только шевелить все-таки… шевели.

Она фыркнула и ушла, рассерженная и независимая, словно эта она принцесса, а я так, что-то сбоку да еще с бантиком. Женщины и лисы – самые хитрые существа на свете, всеми

фибрами чувствуют, как и когда себя вести, и потому да, они вообще как бы весьма, чтобы мы не, все равно ага, ибо вот так, а не иначе, а если иначе, то все равно вот так.

Глава 8

Бобик увязался за мной, баронессу я застал на коленях перед алтарем. Глотая слезы, она жалобным голосом молилась, уговаривая Творца вот прям щас бросить все, чем он там непонятным занимается, и помочь обезопасить людей в замке от свирепого и страшного чудовища.

Она вздрогнула, когда Бобик, нависая над нею черной литой тушей, начал шумно обнюхивать, а потом дружески лизнул в ухо.

– Ох… это вы, выше высочество…

– Вообще-то, – пояснил я на всякий случай, мало ли какие представления у женщин, – это мой щеночек, но я как бы тоже бобик в некоторой степени… Да-да, это сложно, потому я хотел бы сосредоточиться, если позволите, конечно, на некоторых не проясненных до конца моментах.

Она торопливо поднялась.

– Ваше высочество?

Я подал руку и отвел ее, легкую, как мотылек, к столу, где нас ждут два кресла. Когда она так же легко опустилась на сиденье, Бобик попытался лечь у ее ног, но я увидел, как она напряглась в страхе от прикосновения к шкуре такого кабана, сказал ему строго:

– Теряешь хватку, дружище!.. Бери и поймай на обед молодого толстого оленя!..

Бобик подхватился с готовностью, обожает, когда приказывают, все собаки любят служить, для того и созданы, тут же метнулся к выходу, едва двери не снес с петель.

Я проводил его взглядом и повернулся к баронессе.

– Гельвеция, – сказал я с глубоким сочувствием, – я сам старался отвлечь вас от тяжелых воспоминаний… да, они должны уйти в прошлое, однако сейчас нам жизненно важно выяснить некоторые мелочи.

Она сказала дрожащим голосом:

– Ох, выясняйте все, что вам нужно, ваше высочество!..

– Спасибо.

– Я отвечаю, – сказала она душераздирающим голосом, – за своих людей и ужасно страдаю, что не могу их уберечь.

– Вопросы могут вас задеть, – предупредил я, – но мы ведь, баронесса, не просто люди, но и обделенные… в смысле, наделенные властью? Потому обязаны крепче и надежнее других держать себя в руках и владеть своими чувствами, чтобы не повредить другим, в том числе и людям.

– Конечно! – воскликнула она. – Умоляю, ваше высочество, сделайте все, чтобы обезопасить людей от этого чудовища!

– Буду пытаться.

– Все, – сказала она жалобно, – что сумеете.

Я вздохнул, поморщился, неприятно задавать женщине неприятные вопросы, но пересилил себя и сказал осторожно:

– Гельвеция, есть один непроясненный вопрос насчет новой служанки…

– Аладель? – воскликнула она. – Бедная девочка!.. В первый же день, когда пришла на службу.

– Кто ее пригласил? – поинтересовался я.

Она ответила с недоумением:

– Да никто… Наша старая Хильда начала прихварывать, наконец отпросилась домой в свое село. Мы ей дали денег, а взамен попросили прислать молодую и смышленую.

– Гм, – сказал я, чувствуя, как рушится еще одна моя версия, – значит, это была просто случайность, что в замок попала именно она.

Она спросила в удивлении:

– Разве это не очевидно?

– Только не для меня, – ответил я и пояснил: – Я же не местный, обычаев не знаю, потому и задаю наивные вопросы. Мне вот показалось, что барону она слишком даже приглянулась.

Баронесса округлила глаза даже не в негодовании, а в изумлении.

– Что вы, ваша светлость!.. Простая деревенская девчонка!.. Ничем не примечательная!.. Если бы барон обращал внимание на других женщин, то мог бы заметить, как ему поощрительно улыбаются леди Оливия и леди Тантрия. Это мои подруги, бывают у меня частенько.

– И вы за барона были спокойны?

– Полностью, – ответила она уверенно. – Он любил только меня. А также пиры, турниры и охоту. Потому я так спокойно смотрела на их безуспешные попытки привлечь к себе его именно мужское внимание…

– Так, – сказал я, – с этим ясно… хотя нет, не совсем. Аладель вам могла показаться невзрачной, потому что вы женщина, а ее чары… если это чары, действуют только на особей противоположного пола. Это я так куртуазно называю самцов, они же мужчины, если говорить откровенно и без обиняков.

Она слушала несколько обалдело, значит, мои попытки растормошить ее сознание и подсознание приносят успех. Глаза расширились, нежное лицо еще больше страдальчески побледнело.

– Вы полагаете, – прошептала она, – полагаете…

– Весьма, – ответил я твердо.

– Но почему я…

– Почему барон вам ничего не сказал? – переспросил я. – Баронесса, вы шутите?

Она проговорила прерывающимся голосом:

– Да-да, я заметила, что, как только она появилась в замке, мужчины сразу же начали смотреть на нее.

– Смотреть? – уточнил я.

– Да, – ответила она слабо, – все оставляли, кузнец даже молот себе уронил на ногу, но не заметил почему-то… Все поворачивались и смотрели…

– И только?

– Пришел сенешаль, – закончила она, – и все занялись работой. А бедную Аладель послали убирать наши покои. Она была очень старательная девушка, мне нравилась, хоть и очень неуклюжая, все-таки из села…

– Что вы замечали за ней особенное? – спросил я настойчиво. – Постарайтесь сосредоточиться. А еще лучше смотрите на рукоять моего меча, вот на этот рубин!.. Смотрите неотрывно, вам начнет нечто мерещиться, но не отгоняйте, там как раз и будет, возможно, разгадка. Вспомните то, что, вполне вероятно, почему-то и как-то забыли, и смотрите на рубин неотрывно…

– Хорошо, – прошелестел ее голос послушно, – да, конечно…

Ее чистые ясные, как у доверчивого ребенка, глаза расширились, в них появилось мечтательное выражение, затем затуманились, лицо медленно расслаблялось, теряя скорбное выражение, а губы начали складываться в подобие робкой улыбки.

Я затаил дыхание, гипнотизер из меня никакой, насмотрелся всякой хрени, как эти ловкие ребята заставляют смотреть на что-нить блестящее и вводят в транс, но так поддаются только люди с самой слабой психикой.

Хотя, с другой стороны, слабее, чем у баронессы, и придумать трудно, ее загипнотизирует даже кузнечик в траве, даже не какой-нибудь саранчовый, а так, даже зелененький.

– Что вы можете вспомнить, – сказал я медленно и тягуче, так вроде бы полагается говорить с гипнотизируемыми, – о последнем разговоре с бароном?.. Что вы видите?.. Что он говорит вам?..

Ее лицо осветилось так, словно на него упал луч солнца, а незрячие глаза заблестели счастьем.

– Он сказал, что любит меня… И что счастлив…

– Что еще? – спросил я настойчиво. – Не вспомните?.. Тогда постарайтесь воскресить в памяти последний разговор с вашей служанкой Аладель…

Она произнесла в трансе:

– Аладель… Милая и послушная…

– Да-да, – согласился я, – а теперь припомните, что она говорила? Что говорили вы?..

Ее губы медленно шелохнулись, я напряг слух, но внезапно она вздрогнула, зрачки расширились, словно в ужасе, лицо напряглось, а затем зрачки быстро и страшно сузились, превратившись в узкие отверстия, за которыми начал разгораться огонь.

– Что? – вскрикнула она. – Почему он так сказал?.. Да как они посмели… Это… это невозможно!..

Я сказал быстро:

– Да-да, вспоминайте, вспоминайте все!.. Вспоминайте ярко, ничего не пропускайте!.. Что он сказал?.. Это был барон?.. Служанка… она что делала?

Баронесса медленно поднялась, словно кукла, которую тянут на веревочках. Лицо перекосилось гневом и яростью, в глазах вспыхнуло дикое неконтролируемое пламя.

– Нет! – проговорила она с бешенством. – Нет!

Сильный жар охватил меня, я вскрикнул, пытался метнуться в сторону, однако тепловой удар поразил с силой падающей скалы. В глазах потемнело и последнее, что я видел, – стремительно падающий на меня пол.

Я ощутил дикую боль и спазмы раньше, чем очнулся, и выныривал медленно, словно поднимался со дна грязного болота, глотая тяжелую вязкую воду.

Из темноты донеслись булькающие звуки, затем размытые пятна блеклого света. В голове, кроме боли, появились рев, грохот, треск, и вдруг я услышал искаженный, доносящийся с далеких планет голос:

– Это я, ваше высочество… вы ведь уже высочество?.. Счел своим долгом, так сказать…

Перед глазами все плывет, в голове стучат молоты, а надо мной то возникает чья-то рожа, то исчезает в сером тумане, а на щеке чувствую быстрый горячий язык Бобика.

Я сцепил зубы, сделал несколько глубоких вздохов, насыщая мозги кислородом. Жив, а все остальное восстановлю, соберусь, встану на ноги…

Пятно надо мной оформилось в лицо, еще нерезкое, но чем-то знакомое.

– Меня зовут Хрейдмар, – произнес мужчина сиплым голосом. – Я как ваш верноподданный счел своим долгом поспешить к сюзерену, как только ощутил, что он в опасности.

Я всмотрелся, ух ты, это же колдун, что похитил сестру жены Фальстронга, всматривается в меня несколько насмешливо, он всегда был таким, постоянно иронизировал над своим чувством долга и прочей ерундой с точки зрения любого колдуна.

В странном мягком халате, совсем не колдовско-рабочем, без привычной остроконечной шляпы, а ноги совсем голые, подумать только, совершенно босой.

– Э-э, – прохрипел я, – а где… Берхт?

От его глаз разбежались мелкие лучики морщинки.

– О, какая забота, – произнес он с иронией. – Он с матерью, ваше высочество.

– Похвально, – прохрипел я и попробовал подняться, опираясь на Бобика. Астрида поддержала меня под спину. – Не на дне моря с камнем на шее?

– В нашем доме, – сообщил он. – Где вы уже побывали.

– Ладно, – буркнул я. – А что за шуточки насчет верноподданичества?

– Все совершенно серьезно, – заверил он, но голос оставался ироничным. – Или почти серьезно. Я же покинул Варт Генц и перебрался в Мезину, где вы меня и застали. А Мезина в вашем железном кулаке.

– Не в кулаке, – поправил я, – а под каблуком. Не моим, конечно.

– Да-да, – ответил он, – я слышал о грядущей коронации. Встать можете?

– Давно, – ответил я. – Это я так присел, поразмышлять о высоком возжелалось.

Прямо передо мной посреди зала лежит крупный молодой олень, ну да, я же послал Бобика поймать именно такого. Астрида все-таки поддерживает меня под руку, спазмы холода пробегают по моим внутренностям вверх-вниз, но все реже и слабее.

Я наконец разогнулся полностью, взор уже ясен, оглядел их властно и надменно, как и положено лорду.

– Что с баронессой?

– Астрида ее оглушила, – ответил он с неодобрением. – Вообще-то в целом поступила верно, но как грубо, неэстетично, фи!.. Простой оглоблей, мне за нее стыдно. Колдуньи так не поступают.

Астрида огрызнулась:

– У меня не было времени на заклятия!

– Парочку нужно всегда держать наготове, – заметил он назидательно. – Кроме того, интересно было посмотреть, сколько его высочество может выдержать еще, прежде чем, так сказать…

Я оглянулся, под стеной лежит что-то накрытое сорванным с нее широким гобеленом. Судя по очертаниям, женское тело, вон даже торчит кончик женской туфли.

Хрейдмар придержал меня за плечо.

– Не стоит, ваше высочество.

– Она умерла?

– Нет, но смотреть на нее сейчас не стоит.

– Настолько… страшна?

– Ужасна, – уточнил он любезно. – Что вы последнее помните?

Я пробормотал:

– Стало жарко, очень жарко. Ее синие глаза вдруг начали быстро краснеть… И лицо… тоже…

– У вас хорошая защита, – сказал он одобрительно. – Когда Астрида вбежала к вам, вы дымились, просто как сырой дуб на углях!.. Кожа на вас почти вся сгорела, как Астрида говорит, хотя мне в такое трудно поверить… Нет-нет, в это верю, но вы остались живы и… я бы не сказал, что моего умения хватило так быстро заживить ваши раны. Остается предположить…

Я покачал головой.

– Не надо. Не при детях.

Он покосился на Астриду, на губах снова проступила улыбка.

– Я сразу тогда понял, что вы что-то замыслили, но не хотите делать это явно… Это был телетаст?.. Энтоденция?

Я покачал головой.

– Давайте подумаем, что делать с баронессой.

– Да, – сказал он, – конечно… только нам хотелось бы понять, что случилось.

Я сказал угрюмо:

– А того, что увидела Астрида, мало?

Он покачал головой.

– Она вбежала вон в ту дверь. Баронесса к ней стояла спиной, мне Астрида успела сказать, что баронесса кричала на вас, как будто вы ее сильно обидели… Очень сильно обидели!

– А я горел, – сказал я, – да? И если бы вы не успели, от меня осталась бы горстка пепла.

– Верно.

– Чистая душа, – сказал я, – вот что значит жениться по любви… Нет, выходить замуж по любви. Хотя, возможно, барон тоже по любви, иначе почему баронесса так резко?..

– За что она его?

– Не сумел удержаться, – ответил я, – чтобы не поиметь новую служанку. Я говорил с ее младшей сестричкой… Это такая штучка, что еще годик, и уже никто из мужчин ей не откажет. А она будет из них веревки вить… В общем, баронесса либо сама узнала, либо барон повинился… это неважно. Она пришла в такую ярость, что… в общем, в ней пробудилось настоящее женское бешенство, дикое, как у всех женщин в глубине их темных душ, испепеляющее… в прямом смысле слова. Ну, в этом больше Астрида специалист, она тоже еще та зверюка.

Астрида сказала гневно:

– Но почему попросила меня помочь спасти ее от монстра?

– Она не помнила себя в ярости, – пояснил я. – А когда пришла в себя, то была уже, например, в своей спальне… Представляешь, пытаешься вспомнить, что за провал в воспоминаниях… а то и не пытаешься, мало ли какие пустяки в жизни, а тут прибегает кто-то и кричит в ужасе, что господин барон сгорел, а на его месте только расплавленная пряжка от пояса и шпоры на остатках сапог!

Астрида прошептала:

– А на другой день служанка могла спросить, где господин.

– И когда баронесса догадалась, – договорил я, – женщинам даже не нужно догадываться, они чуют, как мой Бобик, то от служанки горстка пепла получилась еще меньше.

– А потом погибли остальные, – сказал я. – И все это время баронесса не понимала, в чем дело, плакала и пугалась, просила спасти ее от ужасного монстра!.. Эх, что же теперь с нею делать, она же скоро очнется… И снова не будет помнить, что случилось.

Астрида вздохнула и промолчала, маг взглянул на меня с интересом.

– А что… есть какие-то варианты?

– Разумеется, – отрезал я. – Она никого не убивала, это ясно. Это ее гнев убивал, но она тогда себя не помнила и… вообще-то в ней тогда был совсем другой человек. Если совсем уж честно, он есть в каждой женщине, спросите Астриду, но баронесса по своей чувствительности как-то сумела в минуту горькой обиды и разочарования это самое извлечь… В общем, раз мы не убили ее сразу, когда вроде бы как бы в порядке самозащиты, то сейчас уже… нехорошо.

Маг кивнул, взгляд стал понимающим.

– Это как в бою можно и нужно убивать, но если захватил в плен, то убивать нельзя? И даже попинать… нехорошо? Хоть и хочется?

– Примерно, – сказал я. – Как долго сможете ее держать во сне?

– Сколько угодно, – ответил он. – Просто нужно раз в сутки подновлять заклятие…

– Столько не понадобится, – сказал я. – Пусть слуги запрягут самых быстрых коней в повозку. Надо отвезти ее в монастырь святого Кристофория. Это близко, мы его проезжали по дороге сюда. Там либо изгонят из нее этого… гм… дьявола, либо… ну, тогда на костер. Но мы должны сделать попытку спасти.

Астрида воскликнула с жаром:

– Спасибо!

Маг поклонился с той же долей иронии.

– Ваше высочество, вы меня удивили. И очень… заинтересовали. Скажу очень серьезно, я даже рад, что вы владеете Мезиной.

Я не стал говорить, что королева здесь Ротильда, а я сбоку-припеку, а еще там же бантик, наверное – розовый, все равно это пустые слова, их можно говорить только тем, кто вообще головой не думает, а таких у нас всего девяносто девять из ста.

Астрида смотрела на меня расширенными глазами. Я повернулся к ней и произнес властно, не сводя жестокого взгляда правителя и завоевателя:

– А тебе я поручаю этот замок, эти земли и всех людей, которые здесь живут!.. Правь мудро и умело, приумножай богатства, споры разрешай честно и беспристрастно.

Она вскрикнула в испуге и возмущении:

– Ричард!

От мага, как вижу, не укрылось, как она назвала меня, мое мудрое и замечательное высочество, но смолчал, только хитро прищурился.

Я поморщился и сказал резче:

– Астрида! Этот замок и земли тебе даю во временное управление, пока баронесса не вылечится.

– А можно, – спросила она, – не давать?

– Нет, – отрезал я. – Или настаиваешь, чтобы подарил другому? Ты же знаешь, земля без хозяина не может оставаться и на день. Все разнесут и разграбят, замок разберут по камешку на свинарники. Если отказываешься, то…

Она сказала сердито:

– Нет! Ради подруги не отказываюсь.

– И только если, – сказал я, – баронессу не удастся вылечить, тогда да, это будет принадлежать тебе. Потому управляй мудро, вполне возможно, что налоги буду драть с тебя… И сейчас иди и успокой народ. Объяви, что монстр убит, теперь все в безопасности. А баронесса, дескать, была ранена зверем, ее спешно отвозим в монастырь, где самые умелые лекари… В общем, повторяю, мне надо возвращаться, важная церемония завтра, а ты… займись здесь. Волей принца, да вообще-то это хрень, волей правителя я, повторяю для женщин, жалую этот замок и принадлежащие ранее барону земли тебе, пока тут все не рухнуло. Восстанови жизнь.

Она прошипела:

– Приму, приму.

– Вот и прекрасно…

– Но только в управление, – напомнила она. – А подлинная хозяйка – Гельвеция!

– Распоряжайся, – предупредил я, – как своим. Неизвестно, когда она выйдет из монастыря. Да и выйдет ли.

Она закусила губу и посмотрела на меня чуть ли не с ненавистью. Если даже баронессу не отправят на костер, она сама не решится вернуться в те места, где погубила столько людей, и скорее всего останется навеки монашкой, замаливая страшный грех убийства.

– Я сохраню для нее все, – заявила она, – что принадлежит ей!

– Только будь осторожна с ее личными вещами, – сказал я с предостережением.

– Еще бы!

– Что-то же, – напомнил я, – дало ей такие… недобрые способности? Мне бы не хотелось, чтобы ты меня сожгла.

– А мне вот сейчас хочется, – заявила она. – Ладно, я все ее бумаги отправлю в монастырь. Ты этого хотел?

Я кивнул.

– Умница. И… пожалуйста, сама не попадись. Я не стану тебя отговаривать от колдовства, это трудно, но в этих землях тебя не знают как ведьму…

– Меня ни в каких не знают, – отрезала она.

– Прекрасно, – сказал я с облегчением. – Постарайся не прослыть ведьмой. В общем, помог, чем смог. Дальше ты… всю оставшуюся жизнь.

Глава 9

Хрейдмар вышел во двор проводить меня, я чувствовал, что у него есть нечто, что хотел бы спросить, но почему-то не решается, потому все идет и идет рядом, даже старается ступать в ногу.

Когда он успел переодеться, я даже не заметил, такое только женщины замечают, но на плиты двора наступают толстые подошвы добротных сапог, пусть и без рыцарских шпор, камзол подогнан по фигуре, штаны из кожи, а на поясе кинжал вполне приличных размеров.

– Кстати, – поинтересовался я, – как вы оказались… так кстати?

Он развел руками.

– Еще когда вы с Астридой так необычно вломились ко мне, я поразился ее чистой девственной мощи.

– Она ведьма, – спросил я с угрюмым недоверием, – еще больше, чем кажется?

– И это верно, – согласился он. – Но меня тронула ее редкая самопожертвенность. Есть такое заклятие, если наложить на другого, обладающего большой мощью, то можно иногда ощутить, когда он в беде. Я тогда просто копил мощь, чтобы забрать Берхта…

– Понял, – сказал я, – и просто израсходовали на Астриду?

– Да, – ответил он с заминкой, – верно. Но когда ощутил, что она в опасности, странно, еще острее почувствовал, что вас вообще вот-вот… В общем, я ринулся сюда, как видите, даже одеться не успел…

– Как же так? – спросил я с иронией. – Да неужели? Вообще-то, появись вы без штанов, я по нашей мужской слоновости все равно бы не заметил. Такие жизненные важности замечают только женщины. А мы всегда одеты, как надо, хоть на диване валяться, хоть в гости… Спасибо, хотя я как-то не слишком верю в альтруизм колдунов. А что на самом деле заставило примчаться?

Он снова развел руками, лицо стало снова насмешливым.

– Вы не поверите, но… ничего определенного. Только чувство, что вы – сами по себе большая тайна. И что с вашим появлением везде что-то серьезно меняется. А я хоть уже далеко не мальчик, но все еще дурак, потому надеюсь на чудеса. Настоящие, а не эти, что дает магия.

– Чудеса дает вера, – наставительно сказал я, – а не магия.

– Слышал, – сказал он со скукой в голосе, – но это как-то слишком возвышенно, а я, если честно, достаточно прост и приземлен. Я хочу зримые и конкретные чудеса.

Вдали распахнули ворота, крытая повозка, запряженная четверкой коней, выкатилась из замка на дорогу. Возница, настегивая лошадей, погнал их галопом.

Мы проследили, как закрылись ворота, я сказал неторопливо:

– Знаете, если в самом деле хотите поучаствовать в большом и важном деле, то добро пожаловать в гильдию Алхимиков. В ней сейчас почти все сильнейшие маги Сен-Мари, Турнедо и Армландии. Есть даже из Вестготии и Гандерсгейма. В последнем особенно сильные чародеи, но почти все сейчас увлеченно занимаются наукой.

Он пробормотал:

– Звучит не совсем понятно… В чем ее суть?

– Чтобы с помощью простых и понятных шажков, – сказал я, – со ступеньки на ступеньку наверх, ни одной не пропуская, добраться до таких вершин, с которых самая могучая магия будет казаться детским лепетом. И… я не буду доказывать, что это возможно. Познакомьтесь с теми ребятами, большинство постарше вас, они лучше меня могут объяснить, что это именно так.

Он ухмыльнулся.

– Лучше вас? Сомневаюсь.

– Просто мне пора возвращаться в Баллимину, – объяснил я. – Ротильда вчера сказала, что ее торжественная коронация назначена на послезавтра.

Он усмехнулся.

– Ах да, коронация… Все бы вам развлекаться, ваше высочество.

– Это важнейший государственный акт, – сказал я серьезно. – Все, прощаюсь!

Маг сказал быстро:

– Да, конечно, счастливой дороги… хотя вообще-то я собирался давно заглянуть в этом замке в его подвалы. Придется одному.

Я насторожился.

– А что там?

– Вход в нижние этажи и подвалы старого замка, – ответил он уклончиво. – Там тоже, можете себе представить, живут люди! Но наверх никогда не поднимаются. Гельвеция никогда не говорила, чему обязана такой роскошью своего замка?.. Это же дворец, а не замок! Я вообще с ее мужем давно знаком и уже дважды пытался попасть в подземные этажи, но, увы, не с моими силами. Или способностями. Может быть, объединим их?..

Я посмотрел на него остро.

– Зачем это вам?

– Ну-у-у, – протянул он, – у меня это может быть простая жажда знаний, хотя вы и не поверите.

– Не поверю.

– Хорошо, хорошо, люблю иметь дело с умнейшим человеком, хоть он и принц да еще и, простите за такое слово, консорт… А вы могли бы своим присутствием уберечь Астриду от возможных… ну, не знаю даже. Нехорошо для такой юной и неопытной, если снизу поднимется какое-то зло. Возможно, и баронесса стала такой… приобрела некие способности или возможности из-за того, что под замком нечто происходит?

– Ладно, – прервал я, – скажите честно, сами просто трусите.

Он сказал укоризненно:

– Ну что вы, у меня же есть самолюбие, как такое могу… вслух? И не трушу, просто догадываюсь, что мне, возможно, загадка окажется не по зубам.

– Понятно, – сказал я, – а когда местные набросятся на меня и будут рвать меня на куски, вы попытаетесь найти разгадку?

Он мягко улыбнулся.

– В самую точку!

– Хорошо, – буркнул я. – Можно и заглянуть, раз это недалеко.

– Недалеко, – ответил он бодро. – И вообще… Знаете ли, после того вашего визита моя мечта убраться от столицы подальше в глушь и жить там мирно с любимой женщиной и ребенком… как-то поблекла. Нет, я от этой идеи не отказываюсь, но раньше мне казалось, что нет ничего лучше. Однако когда вижу, как живете вы, постоянно подвергаясь опасностям… что-то в этом есть более мужское!

– Вы сказали, – напомнил я, уклоняясь от комплимента, – что барон был обязан богатством и благосостоянием… гм… общению с людьми, живущими там, внизу?

– Да, – ответил он. – Но боюсь, что если он даже и поделился секретом с прекрасной Гельвецией, то теперь этот секрет утерян окончательно.

Я сказал саркастически:

– И теперь хотите, чтобы я первым прошел по дороге, полной ловушек?

Он сказал нерешительно:

– Надеюсь, этого не понадобится.

– Хорошо, – сказал я, – тогда топайте первым. Откуда начнем?

– С подвала, – ответил он. – Я там даже спускался… немного, правда.

Бобик попрыгал вокруг нас, я потрепал по лобастой башке и посоветовал навестить копытное, а потом проверить, хорошо ли прожарили оленя, которого он принес.

Он весело взбрыкнул и унесся выполнять повеление, а мы вернулись в донжон с тыльной двери, там вереница кладовых с разным хламом, наконец подвал, сперва винный, прошли мимо винных бочек в два ряда, затем миновали еще один, для лучших вин, там бочки поменьше, наконец небольшая комната, запертая на три засова, и на всех висят массивные замки.

Я оглянулся на мага.

– Отмычки есть?

– Давно, – ответил он. – Еще барон показывал, как это работает.

Он сложил ладони ковшиком, сосредоточился, затем быстро и коротко произнес три слова, резко и отрывисто.

Замки звякнули и повисли на распахнувшихся дужках.

– Здорово, – сказал я пораженно, – вот кто, оказывается, чистит королевскую казну.

Он поморщился.

– Там всего лишь золото!

– Не прельщает?

Он вытащил замки из дужек, с пренебрежением отбросил на землю.

– Ничуть.

Я взялся за ручку, ничего не произошло, а когда потащил на себя, из щели всего лишь пахнуло застойным воздухом.

– А что прельщает?

– Что-нибудь необыкновенное, – пояснил он. – Но я уже понял, необыкновенное липнет к необыкновенному. А я, увы, человек обыкновенный.

– Все мы рождаемся обыкновенными, – возразил я. – А затем сами становимся… теми, кем становимся.

Помещение еще более запущенное, везде паутина, на полу толстый слой пыли. Я смотрел, как маг подвигал ногой, разгребая мусор, блеснуло тусклое кольцо размером с подкову, вделанное в пол.

Он нагнулся и потащил на себя, надсадно заскрипело. В полу наметился широкий квадрат, такие двери называют лядами, воздух снизу поднялся холодный и влажный.

– Подержите, ваше высочество…

– Держи сам, – рыкнул я. – Не принцево это дело, перед другими дверь распахивать!

Он усмехнулся, а я, рассмотрев внизу лестницу, начал спускаться. Через пару минут оказался на широкой площадке из цельного камня, дальше смутно виден обрыв, я прошел туда, топая на случай нестойкого грунта.

– Пока безопасно!

Колдун уже спускался, быстрый и деловитый, явно на этом участке не первый раз. Однако ко мне подошел несколько неуверенно, на ходу делая пассы и бормоча заклинания. Из ладоней вылетел рой красных искр, лицо осветилось, оказавшись на мгновение суровым и злым, затем эти крохотные огоньки поднялись кверху, все стало призрачно-красноватым.

– Ну вот, – сказал он с гордостью, – а то в потемках… Вон там дальше каменные ступени.

– Уже заметил, – сказал я.

Он сделал движение пойти впереди, но я опередил и потопал уверенно к краю, где ступеньки хоть и широкие, но такие стоптанные, со стертыми краями, что оступиться запросто, а потом можно катиться по этим волнам… гм… далеко, а что там внизу, даже я не вижу.

Хрейдмар спускался медленно и осторожно, дважды останавливался, чтобы выпустить рой красных искр, а когда спустился ко мне, уже тяжело дышал, а глаза блестят тревожно и с ожиданием чего-то этакого.

Комната, куда попали, небольшая и наполовину завалена рухнувшими сверху глыбами, но дальше виден арочный проем, оттуда льется бледный розовато-оранжевый свет.

– Вперед, – сказал я бодро, но сердце колотится. Почему-то все в такие места ходят с женщинами, это в древности спутником был либо Энкиду, либо Ватсон, либо Санчо Панса, а теперь обязательно женщина, перед ней и выпендриваться удобнее, и не так стыдно, когда сплоховал, женщина ж еще слабее… хотя да, в последнее время как-то не совсем. – Вперед, разве мы не те самые, которые?

Он шел за мной молча, часто оглядывался, время от времени создавал рой красных искр, что освещают достаточно слабо, хоть и освещают, зато потом, когда гаснут, становится совсем темно.

Я поинтересовался:

– Сзади что-то интересное?

– Полководец, – буркнул он, – должен чаще смотреть назад, чем вперед.

– Мне повезло – ответил я, – удалось миновать эту личинку.

– А еще, – сказал он язвительно, – кто не оглядывается назад, не заглянет вперед.

– Не понимайте все так буквально. Во многой мудрости много печали…

Мы прошли под красивой изогнутой аркой, открылся огромный старинный зал непонятного назначения: под стеной напротив входа возвышение из серого камня, но слишком высокое, чтобы служить местом для трона, хотя с обеих сторон толстые колонны, плотно прилегающие к стене, а между ними вычурный барельеф, но никаких изображений чего-то понятного, только изысканный и даже манерный орнамент из геометрических линий, даже ни единого круга или овала.

– Я с детства не любил овал, – пробормотал я, – я с детства угол рисовал…

Он спросил в недоумении:

– Ваше высочество?

У колонны слева на добавочном постаменте каменная чаша, а на ней еще одна, над чашей висит оранжевое солнце, что издали показалось яркой свечой.

Чашу оплела паутина, так что этот огонь дает только свет, иначе бы все здесь уже полыхало. Теперь я замечал множество сухих стеблей, торчат из щелей в полу, из стен, вдали выступают из полутьмы еще колонны, наверху такие же огни, но оттуда свешиваются целые плетни жилистого хмеля.

Листья сморщились и засохли, на полу их целый ковер, тоже розового и желтого цвета. Впечатление такое, что либо этот зал когда-то был на поверхности, либо это какой-то особый хмель, способный расти без солнца и света.

Свод сильно выгнутый, способный выдерживать большое давление, неудивительно, что замок даже не чувствует такие пустоты внизу.

Дальше на пути несколько опрокинутых светильников на высоких ножках из растопыренных у основания железных прутьев. Мы двигались быстро, хотя и осторожно, а когда переступили через скатившиеся откуда-то глыбы, то вступили в новый зал.

Я зябко повел плечами: вдоль стен несколько светильников, однако каменные пол и свод в холодных синих тонах, напомнивших о лютой и беспощадной зиме.

Все четыре стены в сильно вытянутых кверху стрельчатых арках, множество тонких полуколонн, контрфорсов, что увеличивают прочность здания, но здесь просто украшение, как и вон те ордерные композиции.

Даже не контрфорсы, а больше похожи на пилястры, что вообще-то одно и то же, но пилястрами стали называть их ближе к нашему времени…

– Жутковато, – прошептал Хреймдар, – но красиво.

– Вы же колдун, – сказал я с укором.

– Не колдун, а маг, – поправил он с достоинством. – Или хотя бы чародей.

– Да хоть волшебник, – ответил я, – все равно вам не к лицу любоваться искусством.

– Почему?

– Маг, – сказал я наставительно, – это ученый. Он такую хрень замечать не должен. А если увидит, что я восхищаюсь, должен алгеброй гармонию померить и сказать, что раз пропорции нарушены, то все это ерунда.

– Ерунда, – согласился он. – Зато какая красивая!

Глава 10

Мы осторожно прошли на другую сторону зала, под ногами нечто мягкое, словно двигаемся по давно истлевшему толстому ковру, что хоть и рассыпался в пыль, но сохранил структуру. Жутковатое ощущение вообще-то.

Третий зал больше похож на пещеру, хотя сохранил четырехугольную форму. Все стены закрыты наплывами сталактитов, пол тоже неприятно белый и, как спина гигантского дракона, весь в торчащих шипах сталагмитов, похожих на зубы исполинской акулы.

Даже не понять, какие здесь стены, лишь сталактиты и сталагмиты, белые и блестящие, как сосульки, полупрозрачные даже, и только на дальней стене темнеет свободное место.

Хрейдмар не понял, почему я сразу направился туда твердым шагом царя природы, но арочная форма не может быть случайной, и когда я пересек зал, петляя между острыми зубами, каждый в половину моего роста, там уже проступила из темноты стена, но не каменная, а из затейливо расписанного металла.

Литье настолько искусное или ковка, но металл весь в изысканных узорах, что скорее напоминают мир высшей математики, чем растений или животных, так понятных простому человеку.

Хрейдар шел рядом, я не смотрел в его сторону, но ощутил, как он напрягся без всякой видимой причины. Через пару мгновений на металле проступил багровый круг размером с обруч сорокаведерной бочки, расширился и даже потек крупными каплями.

– Что это? – спросил я.

– Не знаю, – ответил он нервно.

– Странно, – сказал я, – мне показалось, это вы его и сделали.

– Я только почувствовал, – сказал он, защищаясь, – что произойдет что-то… Но что, не понимаю.

– Не шарахнет?

– Это мы должны шарахаться, – ответил он, – лбами, пока не расшибем.

– Стену?

– Да, – сказал он сквозь зубы, – стену. Какая стена выдержит удар рыцарского лба? Что нужно делать?.. Заклинания? Но у меня их сотни, и каждое нужно готовить долго.

– Не знаю, – ответил я. – Был бы у меня мой молот… гм… а так что я могу? Только, будто стал вежливым, подойти и постучать?

Я погрюкал кулаком в металл.

– Эй, там!.. Спите, что ли? Счастье свое проспите!

Маг вздрогнул, о себе вообще молчу, когда через несколько мгновений из-за двери раздался могучий рев:

– Какое счастье?

Голос шел хоть и с той стороны стены, но на высоте в два моих роста. Я струхнул, а маг отступил и оглянулся на дорогу, которой мы пришли.

– Я вот уже здесь! – крикнул я. – Разве это не счастье?.. Посмотрите на меня, и будет вам по полной… Открывайте, а то уйдем, мы не гордые. Или гордые, уже и не помню… А своим хозяевам можете сказать, что барон и баронесса погибли, и больше, наверное, уже не придут с обменным товаром. Как мне кажется. Почему-то.

За дверью воцарилось долгое молчание, я слышал, как гигант сопит, наконец голос прогрохотал так, что мне восхотелось зажать уши ладонями и присесть:

– Открываю.

Я отступил на пару шагов, маг вообще отбежал чуть ли не на середину зала. Металлическая стена раскололась с сухим треском, я устрашенно увидел настоящий неровный излом, обе половинки пошли в стороны.

Мое спертое дыхание вырвалось из груди с шумом. На той стороне стоит человечек ростом мне по грудь, весь странно бледный, чуть ли не прозрачный, как от постоянного недоедания, светловолосый и с настолько белыми глазами, что видны только зрачки.

Даже губы тонкие и едва заметные, словно недостаток с витаминами, минералами, микроэлементами, и вообще недополучают, как ни странно, солнечного света. Одежда самая обычная, только на мой придирчивый взгляд давно вышедшая из моды, хотя здесь и наверху мода меняется раз в два-три столетия.

– Меня зовут Ричард, – сказал я приподнято, – а это вот как бы могучий маг Хрейдмар. Спешу повторить, что власть наверху поменялась, и если хотите по-прежнему сотрудничать, то партнеров вам выбирать не приходится. Как зовут?

Человечек ответил грустно:

– Гьюки…

– Ничего, – утешил я, – хорошее королевское имя. Знавал я одного тоже Гьюки, так он был крупнее любого огра.

Он смотрел очень невесело, по лицу прошла тень, наконец вздохнул тяжело.

– Да, люди наверху… мрут. Но… вы все знаете?

Хрейдмар посмотрел на меня, я сделал важный вид и кивнул с самым уверенным видом.

– В интересах торговли я не задаю, как вы понимаете, лишних вопросов. Любой из них может оказаться лишним, особенно если коснуться законности сделок или установления прежнего владельца. Потому цены назначаем мы… однако барон был нашим добрым другом, так что из уважения к покойному и храня святость тайных соглашений, что бывают особенно выгодны, просто продлеваем уже заключенные и намерены им следовать, если не случится что-то непредвиденное.

Хрейдмар подошел и встал рядом, хотя я вижу, что ему здорово не по себе, но ревущего гиганта нет, этот плюгавенький и есть тот, кто говорил, голос тот же, только теперь хиленький, явно дверь усиливает и превращает в грозный рев.

– Мы подтверждаем, – сказал этот Гьюки, – условия будем соблюдать и дальше.

Я кивнул:

– Отлично. А теперь нам нужно взглянуть, как вы тут устроились.

Он запротестовал:

– Почему? Вы не должны вторгаться на нашу территорию!

– Вы так думаете? – спросил я. – Это и наша, так как находится над суверенным замком, а согласно межкоролевской конвенции о базовых либеральных правах королей, все, что находится над нашими юриспрудентными землями, принадлежит нам, будь это пролетающие птицы или крылатые свиньи, а также все, что в недрах и даже ниже. А вы, эта, в недрах. Наших, если говорить дипломатически прямо и по-государственному как бы прямо!

Он поежился, сказал отчаянным голосом:

– Вам туда заходить нельзя!

– Почему? – спросил я. – Ямы-ловушки? Убьет чем-то тяжелым?.. Упадем в воду и утопнем, как два топора с железными ручками, украшенными золотом и этими, как их, яхонтами?

– Нет, – ответил он упавшим голосом, – но мы договорились с бароном, что он никогда не…

– Что?

– Просто оставляет то, что приносит, здесь, а потом уходит.

– Что, даже не забирая нарытое вами золото?

– Ну, конечно, забирая…

– Ага, то-то и оно!

– Это же совсем другое! – сказал он жалобно.

– Мы тоже так будем делать, – заверил я, – не причиним вам никакого вреда, так как экономически невыгодно, а это самый главный довод в пользу святости миролюбия и демократического сосуществования. Однако должен увидеть, что здесь все для нас безопасно.

– Да безопасно, безопасно!

– А вдруг, – спросил я зловещим шепотом, – затеваете выбраться наверх огромной армией и всех убить?

– Не-е-ет!

– А поработить?

– Тоже нет!

Я сказал со вздохом:

– Я тоже никогда не понимал этого сдвига психики… но почему-то стараются… эта, поработить?

– Мы не стараемся, – заверил он.

Я подумал, спросил:

– А замок не провалится в тартарары? Яму вы наверняка вырыли тут слишком уж…

Он вскликнул:

– Нет!.. Мы копаем только вниз! Только!..

Я сказал потвердевшим голосом:

– Знаете ли, что-то мне как-то и не весьма зело ндравится наш разговор. Потому по праву суверенного властелина данной территории, чьи права распространяются и вглыбь, как уже рек, собираюсь вежливо и твердо переть дальше, ибо да!

Хрейдмар делал мне знаки, что, мол, пора отступить, увидели больше, чем вчера, надо умерить аппетиты, нечего лезть на рожон, пора и честь знать.

Я покачал головой, чести никогда не бывает много, и, отстранив человечка со звучным именем потомка бургундских королей, двинулся вперед.

Он ринулся следом, мое сердце колотится учащенно, но все-таки это не воин и не маг, страшиться нужно чего-то совсем иного, только бы Хреймдар не сплоховал…

– Вам нельзя, – умолял он, едва не плача, – вам нельзя…

– Человек проходит как хозяин, – сказал я, – по просторам… ну, тут не разгуляешься, однако… Ого, а это что?

Я толкнул дверь, тоже металлическую, но уже не массивные ворота, а более жилую, что ли. Распахнулась без скрипа, я вышел на ту сторону, медленно холодея всем телом.

В полусотне шагов пещера прерывается широким ущельем, что раскалывает и стены, уходя в обе стороны во тьму. Хреймдар пустил рой искр, затем другой, чуть левее, но везде тот же ужас.

Через ущелье перекинут ствол дерева, вроде бы не окаменевший, но слишком уж широкий, а если сорваться, то падать весьма и весьма, а я вряд ли успею превратиться во что-то крылатое да еще ухватить Хреймдара.

Гьюки сказал со злой гримасой:

– Вам здесь не пройти.

Мы подошли ближе, и я начал понимать, о чем говорит этот подземник. Вблизи ущелье еще шире и страшнее, однако и перекинутый ствол в виде моста выглядит массивнее и надежнее. На том берегу ствол утолщается, огромные корни кое-где высовываются из скальной породы, но чувствуется, что углубились очень далеко и надежно.

Я перевел взгляд на эту сторону, сердце стукнуло еще тревожнее. Не от страха, это недопонимание, чего так не люблю. К этому краю ствол утолщается тоже, а вместо высохших ветвей в землю уходят самые настоящие корни.

Ствол не выгнут аркой, обычный ствол, но тоньше всего посредине, что и страшнее всего, а по краям… никак не отделаюсь от мысли, что дерево тащит соки с обеих сторон, но… как?

– Неважно, – процедил я сквозь зубы, – неважно, я не ученый, хотя очень хочется… Надо делать то, что нужно, а не следовать желаниям, как демократ какой-то…

Хреймдар произнес за спиной дрожащим голосом:

– Ваше высочество?

Я отмахнулся.

– Это я сам с собой общаюсь. У меня тот, второй, еще умнее. Но не всегда, правда. Пошли! Считайте, что мы в переходном возрасте.

– От жизни к смерти?

Я раскинул руки в стороны, балансируя, дерево уже не кажется таким широким, а вот почему-то удлинилось, так это да, а внизу стало еще глыбже, хотя все равно не разглядеть, но все равно глыбже.

– Типун вам…

Когда я был на середине, меня догнало в спину тоскливое:

– Может быть, вернемся?

– Ого, – сказал я с одобрением, – все шутите!

Спутник нужен, мелькнуло в мозгу, пусть он даже самец. Отвлекаясь на него, забываешь на время трястись, а та сторона тем временем все приближается.

Последние ярды я невольно ускорил шаг и почти сбежал на каменную плиту обрыва. Под ногами захрустели мелкие камешки, такой успокаивающий звук. Пещера уходит дальше, там ее перегораживает каменная стена, явно поставлена руками человека, а в ней небольшая дверь, мне точно придется пригибаться.

Не останавливаясь, я направился к ней, за спиной шаги Хрейдмара, обреченный голосок Гьюки доносится совсем издали.

Дверь от толчка распахнулась, я пригнул голову, осмотрелся и шагнул на ту сторону.

Меньше всего ожидал попасть в величественный зал, пусть даже и с низким сводом. Толстые колонны в два ряда уходят далеко в темноту, все до единой настолько богато украшены, что выглядят поставленными просто для красоты.

Посреди зала два длинных стола, по обе стороны люди в кожаных передниках и с молотками в руках. Доносится дробный стук, что быстро прекратился, как только там увидели, кто вошел к ним через дверь.

Отшвырнув стул, к нам бросился один, низкорослый, почти гном, но поперек себя шире, чернобородый и с массивной нижней челюстью, с молотком в руке.

– Кто посмел?

Голос его прозвучал повелительно, Хрейдмар вздрогнул и замер на месте.

Я вскинул ладонь, останавливая требовательным жестом, и прогремел с тем напором и властностью, как и должен говорить наделенный полномочиями или взявший их сам лорд:

– Что значит посмел? Я изволил! Даже соизволил снизойти, ибо я не какой-то хозяин замка, с которым вы имели дело, а правитель-демократ королевства сэр Ричард!.. И должен знать, где и что творится на земле, в небе или в норах. Вы должны быть со мной почтительны и готовы отвечать на все вопросы моего высочества, иначе моя армия спустится сюда и… никакая дверь не удержит и не остановит!

Человек остановился как вкопанный. Хрейдмар встал рядом со мной и надменно выпрямился, хотя это и далось ему с явным трудом, а Гьюки остался в стороне, жалобно вздыхая и переминаясь с ноги на ногу.

Наконец этот гном с молотком проговорил угрюмо, но в явном замешательстве:

– Я Тидрек, старейшина нашей небольшой общины. Мы не представляем ни для кого угрозы, живем мирно и тихо.

– Почему не выходите наверх? – потребовал я.

– Там войны, – ответил он хмуро, – там смерть… Здесь же нет ни болезней, ни зимы.

Я сказал строго:

– Сколько вас?

– Сорок два человека, – ответил он послушно.

– А чем питаетесь? – спросил я. – Неужели барон носил еду на сорок человек?

Он покачал головой.

– У нас здесь свой огород. Мы научились выращивать фрукты и овощи. Можно и на них жить, но потом к нам спустился барон, и мы договорились, что он нам приносит мясо, рыбу и сыр…

– В обмен на золото, – сказал я, – и камешки, что выковыриваете тут в породе?.. Ладно, а теперь скажите, почему на самом деле избегаете подняться на поверхность?

Он долго смотрел на меня, на лице менялись десятки выражений, от простого упрямого отрицания всего на свете до желания чуть ли не покаяться в чем-то не то стыдном, не то преступном.

– Давайте вон там сядем, – сказал он поникшим голосом, – а я расскажу вам все.

Я оглянулся на Хрейдмара.

– Да, конечно. Дорогой величайший из магов, садитесь, а то услышите такое, что рухнете, а потом еще и растечетесь, как сметана из кувшина… Итак, Тидрек, мы с грандиознейшим магом Хрейдмаром слушаем ваш… рассказ. Только постарайтесь говорить правду. Я правитель, а сие указывает, что научен жизнью чуять, когда правда, а когда нагло и бесстыдно брешут.

Тидрек оглянулся на своих людей, из которых две трети уже застенчиво скрылись в закоулках, а остальные опустили головы и стараются не смотреть на страшных пришельцев.

– Мы понимали, – сказал он с тяжелым вздохом, – рано или поздно найдутся герои, сумевшие пройти через все преграды… И наше затворничество окончится.

– А почему вы в затворничестве?

Он взглянул коротко.

– Вы еще не поняли?

– Нет, – ответил я честно.

– Как только выйдем на свет, – сообщил он очень невесело, – мы все умрем. Рассыплемся в прах. Нет, мы не вампиры. Вообще-то все умрем даже раньше. Как только выйдем за ту дверь… вы ее видели.

Хреймдар кашлянул, привлекая внимание, и спросил важно, он же величайший из магов, все знает и понимает:

– Вас нечто защищает здесь?

Тидрек кивнул:

– Да.

– И… сколько вы здесь?

Тирдек взглянул на него, на меня, я кивнул важно, разрешая ответить, он проговорил с большим усилием:

– Где-то семьсот лет.

Хреймдар охнул, глаза полезли на лоб, как у простого мага, а то и вовсе колдуна.

Я сказал неспешно:

– Ваш опыт весьма любопытен. И как это – быть бессмертными, но в ограниченном пространстве?

Тидрек перевел дыхание, явно ожидал реакции похуже, ответил уже чуть свободнее:

– Я всегда слышал, что за бессмертие надо платить. И платят. Кто чем. Мы платим вот… такой несвободой. Но во всем остальном мы свободны и вольны заниматься тем, что хотим.

– Чем питаетесь?

– Я уже говорил, там дальше в пещере грядки… Трудно было в первую сотню лет, постоянно голодали, но потом…

– Грядки расширили?

– И грядки удалось расширить, – ответил он, – и… время от времени кто-то не выдерживал и убегал.

Я кивнул.

– Да, мы видели человеческие черепа. Вроде бы.

– Сейчас нас меньше половины, – ответил он. – Дети у нас не рождаются, мы все доживаем свой век… конца которому, к счастью, не видно. Несмотря на все неудобства жизни, мы все-таки… предпочитаем жить, чем перешагнуть тот страшный порог навстречу смерти. Я всегда говорю тем, кто начинает отчаиваться, что умереть успеем всегда. Умереть никогда не поздно. Но кто умрет, тот уже не вернется.

Глава 11

Хреймдар молчал, раздумывал. Я видел по его лицу, что еще не пришел к единому мнению, что же лучше.

Я поднялся, Тидрек умолк и смотрел на меня в ожидании.

– Ладно, – сказал я, – мы все выяснили, теперь уходим. Здесь теперь другая хозяйка замка… Ну, думаю, к смене владельцев вы привыкли.

Хреймдар добавил:

– Я скажу ей, чтобы тоже носила вам мясо, рыбу и птицу. Пусть традиция не прерывается.

Я с тоской оглянулся на дорогу обратно.

– Да, подниматься придется… Далековато. А нет ли у вас чего-нибудь, чтобы возлифтить как бы… в смысле, поднять нас силой магии?

Тидрек виновато развел руками.

– У нас тут нет никакой магии. Кроме той, естественно, что поддерживает наши жизни. Как это и почему, знали те, кто нас сюда привел. Но их уже давно нет… Мы знаем только, что там внизу есть еще одна пещера.

Гьюки сказал тонким голоском издали:

– А может, и не одна.

Я взглянул остро.

– Наткнулись?

Гьюки посмотрел на старейшину, тот нехотя кивнул.

– Вы совершенно правы, сэр Ричард. Но мы не входили. Там все заколдовано, а мы не умеем открывать ворота, на которых лежит заклятие.

– Мы тоже, – сообщил я, – однако как подумаю, что нужно карабкаться вверх, как жук по дереву, так сразу тоска берет. Лучше уж вниз…

Хрейдмар сказал предостерегающе:

– Оттуда подниматься придется еще дольше. И труднее.

– А я могу, – объяснил я, – тщательно просчитывать все свои сложные движения и замысловатые умозаключения только на один ход. Потому, что будет потом, я как бы пока оставляю на дальнейшее. Если на два хода, то требуется слишком много вычислительных мощностей, это я не потяну, я же политик, я поговорить умею, а расчеты пусть госпожа Простакова делает, у нее есть на это извозчики… Потому я готов! Хрейдмар, со мной или наверх?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.